

Islamic Emirate of Afghanistan
Academy of Sciences of Afghanistan
International Center for Pashto Studies

PASTO

Quarterly

Printed in **UNESCO** Languages
Round 2, Volume 63 – 64, Serial Number 114- 115
(Fall, Winter) 2025-2026

Establishment: 1978
Kabul – Afghanistan

Islamic Emirate of
Afghanistan Academy of
Sciences of Afghanistan
International Center for
Pashto Studies

PASTO

Quarterly

Printed in UNESCO Languages
Round 2, Volume 63 – 64, Serial Number
114 – 115 (Fall, Winter) 2025-2026

Establishment: 1978
Kabul Afghanistan

Editorial Board:

- 1-Associate Professor Mohammad Aman Rasooli (Arabic)
- 2-Associate Professor Dr. Abdul Rahman Habibzui (English)
- 3-Professor Abdul Rahim Bakhtanay (Russian)
- 4-Assistant Professor Dr. Nezamuddin Katawazay (Germany)

Chief-Editor:

Associate Professor Dr. Shahad Rahimi

Composed & designed by: S. Rahimi

Annual Subscription:

Kabul: (400) AF

Provinces: (500) AF

InForeignCountries :(40) \$

An Issue: (100) AF

The address:

International Center for Pashto Studies, Zanzaq
Square, Wazir Akbar Khan, Kabul – Afghanistan

Contacts: +93(0)766110008/ +93(0)777374501

E-Mail: dr_shahad.rahimi@asa.gov.af

E- Mail: Info@asa.gov.af

Table of contents

1. الاستاذ المساعد محمد شفا مشفق: قبيلة شينواري: من النسب إلى التراث الثقافي / 1-23.
2. A Masterpiece of Pashto Narrative Literature \ Associate Prof. Dr. Noorul Habib Nisar\24-36
3. Khushal on his Mother Tongue...\ professor Fazl Rahim Marwat\ 37-66.
4. Thematic Research of Pashto–Russian ...\ Associate professor Dr. Shahad Rahimi\67-84.
5. 3. 2. Kulturelle und politische Motive\ Assistant professor Dr. Nezamuddin Katawazay\85-92.
6. Исследования Афганских и зарубежных...\ Профессор Абдулрахим Бахтани\ 93-117.

Assoc. Prof. Noorul Habib Nisar, PhD

A Masterpiece of Pashto Narrative Literature

Abstract

Shin Taghai is a literary masterpiece that, with great subtlety, portrays a range of both major and minor events from the era of Afghan migration, jihad, and resistance. This article draws attention to the kinds of hardships and adversities Afghans faced in the wake of the Soviet Union's invasion of Afghanistan, as well as to the traps, lures, and covert strategies employed by Eastern and Western intelligence networks in Afghanistan and the surrounding region to entangle migrants and mujahideen. To date, this novel has not received the level of scholarly attention it deserves. As a vivid and expansive mirror of moments of migration, jihad, and resistance, this study seeks to contribute to future research on Pashto narrative literature, particularly the literature of migration and jihad. Given its political and intelligence-centered nature, a critical review, analysis, and evaluation of the novel can play a significant role in strengthening the process of national awareness and awakening.

Introduction

Shin Taghai is a well-known novel by the late Ustad Saad-u-Din Shpoon, first published in 1377 A.H. (1998 CE) by Danish Library and printed at Sherkat Printing Press in Lahore. The cover design was prepared by Zhakfar, and the computer typesetting was completed at Ghazi Composing Center. The novel comprises 162 pages. The narrator of the story is also its central

character: a man named Muhibullah, who is trained as a physician but does not practice medicine.

In Germany, Muhibullah purchases a bus-like vehicle from a traveler, a fully equipped mobile dwelling containing a sleeping area, a cooking stove, and various other necessities; in effect, a complete home on wheels. The vehicle is blue in color, marked with white stripes. Muhibullah transports this vehicle to Afghanistan, where it becomes known as Shin Taghai. Through this vehicle and its journeys, the novel portrays the life of migration and offers depictions of Kabul, Peshawar, Swat, and several other regions of the period. The language of the novel is enriched with a refined and subtle strain of satire.

Shin Taghai is dedicated to the heroes of its narrative. Given the novel's historical nature and its close engagement with real and symbolic figures, it is important to consider the dedication text itself. The author writes:

“To the three heroes of the story: Dr. Muhibullah Nukta Shirzad, who predicted the arrival and departure of the Bear [the Soviet Union] thirty years ago (now fifty-eight years ago); Dr. Ghulam Ghaus Shujaee (Dr. Zarrawor), who was taken away by a single blow of the Bear; Professor Bahauddin Majrooh (Dr. Laraway), who fell in heroic struggle with the Bear; and to my elder brother Minhajuddin Ghahiz, who introduced me to artistic writing.”

Before proceeding to a detailed discussion of Shin Taghai, this study first clarifies its research objectives,

significance, and methodology. It then provides a concise summary of the novel, followed by an extended discussion leading to the study's main conclusions.

Objective of the Study

The objective of this study is to highlight the literary and artistic excellence of Shin Taghai as a masterful example of the literature of migration, jihad, and resistance, and through thematic analysis to contribute to illuminating some of the obscured and less-explored dimensions of that historical period.

Significance of the Study

Shin Taghai is a literary masterpiece of migration, jihad, and resistance, comprehensive in scope and accomplished in execution. It vividly represents the lived experience of exile, the critical and sensitive moments of jihad, and the intricate maneuvers of Eastern and Western intelligence networks. The novel occupies a leading position within the corpus of migration literature and has inspired numerous writers to engage with the novel as a literary form. Despite its significance, however, it has not yet received the scholarly attention it deserves.

As a pioneering work in the literature of migration, Shin Taghai calls for systematic critical review, analysis, and evaluation aimed at understanding its artistic structure, thematic depth, and historical relevance. Such a study is essential not only for appreciating the novel itself but also for contributing to the growth and development of Pashto migration literature as a whole.

Research Questions

- What type of narrative does Shin Taghai present?
- What are the characteristics of the language used in Shin Taghai, and how are scenes and settings depicted in the novel?
- Why can Shin Taghai be regarded as a literary masterpiece?

Research Methodology

The study employs a descriptive–analytical approach. In terms of data collection, it follows a library-based (documentary) research method, drawing on primary written sources relevant to the subject.

Summary of the Story

In the early years of the jihad, Muhibullah becomes involved with a clandestine network of the mujahideen, through which he purchases weapons from the Soviets in exchange for U.S. dollars. He stores the arms in Shin Taghai and delivers them to the fighters. While transporting a load of weapons through the Salang Pass, Muhibullah witnesses a passenger bus plunge into a snowy ravine. From the wreckage, he rescues a young woman named Shatrina and takes her with him to Shin Taghai.

Shatrina is a member of the KGB and soon realizes that Muhibullah has ties with the mujahideen. Despite this, she neither harms him nor exposes his activities; instead, she develops feelings for him and protects him from

communist threats. After delivering the weapons to the mujahideen, Muhibullah returns to Kabul via Salang, then travels with the network to lower Pakhtunkhwa, where he lives in refugee camps and transports passengers between Peshawar and Swat in Shin Taghai.

At one point, a member of French intelligence arrives in Swat in search of him, accompanied by his wife. This French agent later informs Muhibullah that Dr. Zarrawor, the leader of his former network whom Muhibullah had been told was executed is in fact still alive. He also reveals that a young woman in Kabul is waiting for him, making it necessary for Muhibullah to return there. The true motive behind this revelation is that a French journalist is being held captive in Kabul. In reality, a Russian woman named Tatiana Kharkhar Dinova has interrogated both Dr. Zarrawor and the French journalist. Tatiana's father had served as a military attaché in the United States; she herself studied in America and learned Pashto in Russia.

This KGB agent agrees with French intelligence to hand over the two prisoners along with Shatrina, on the condition that the United States grant Tatiana Kharkhar Dinova political asylum. Western intelligence services welcome the arrangement: on one hand, the prisoners would be freed; on the other, numerous KGB secrets possessed by the Russian agent would fall into Western hands.

For the sake of his friend and beloved, Muhibullah consents to the plan. He travels to Kabul and escorts the prisoners and Shatrina to Nangarhar. There, the

mujahideen come under attack. The prisoners and Shatrina cross the river by boat, while Muhibullah being a doctor remains behind to treat the wounded. When he later reaches lower Pakhtunkhwa, he learns that his companions have gone to Swat. He follows them there and, finally, marries Shatrina.

Analytical Review

The novel Shin Taghai is marked by a high degree of suspense. It contains substantial information about the techniques of Soviet intelligence and offers vivid portrayals of Kabul and party meetings during the Russian period. Even the title of the novel plays a significant role in creating suspense. In an interview on the selection of story titles, Ustad Asadullah Ghazanfar notes: an appropriate title may hint at the spirit and message of a story. A writer should first identify the core point around which all other elements revolve. The title should contribute to illuminating the story, not reveal it in advance (Pasarlay, 2020, p. 118).

Shin Taghai is precisely such a compelling title for a novel. When I first encountered it, my curiosity was immediately aroused, prompting me to seek out and read the book. Shin Taghai is the name of a beautiful bird that appears sporadically in the Khogyani region during spring. Initially, I assumed the author had written a story related to this bird; however, upon reading the novel, it becomes clear that Shin Taghai signifies something altogether different an emblematic presence that accompanies the narrator throughout the narrative. The name Shin Taghai is align with the spirit of the entire

work. The writer says: Shin Taghai was the name of my mobile home. In fact, it was a large trailer truck that I had purchased in Germany. The villagers had given it the name Shin Taghai, which in Persian is called Nila Zagh (the blue crow). It is a bird of summer and the harvest season, known for perching on telephone wires along the roadside and chirping. Whenever it spots a locust or a grasshopper, it swoops down upon it with sudden force, carries the prey back to the wire, and crushes its head against the cable. It is marked with white and blue streaks.” (Shpoon, 1998, p. 2).

The late Ustad Shpoon, the author of the novel, lived as a refugee in lower Pakhtunkhwa before emigrating to the United States, which gave him firsthand familiarity with the migrant experience. Even after moving to the U.S., he maintained close ties with Afghan refugees: he worked as a journalist for Radio Voice of America and visited lower Pakhtunkhwa annually during holidays. This background raises the question of how Shpoon depicts the environment of migration in Shin Taghai. The narrator recounts his arrival in the land of exile, stating: “All the way from Jalalabad my heart was heavy with sorrow. The next day, I truly found myself in lower Takal of Peshawar. Two years have passed since that day. With the help of my companion in hard times, Shin Taghai, I turned it into a proper flying coach again, repainted it blue and white, and erased the marks of the commander’s chaos with my own hands. I gave it a fresh body as well. Yet we both knew that the pins of our hearts were broken. I drive it between Peshawar and Swat, and whenever we climb the winding roads, we both sigh deeply (Shpoon, 1998, p. 74).

Muhibullah had driven his vehicle to Peshawar, a common occurrence at the time, as many Afghans had relocated their cars there. From Board Bazaar to the New Adda, dozens of such vehicles commonly called “Benzes” were in operation. In Peshawar, Muhibullah was deeply homesick. The novel also depicts the social tensions among refugees themselves. Earlier waves of migrants often regarded newer arrivals with suspicion and referred to them by various disparaging labels. The writer notes: Hayatabad had become a nest for professors and secretaries from Kabul University. These were Afghans who, in the eyes of the mujahideen leaders, had migrated only after the Scud missiles were fired (Shpoon, 1998, pp. 78 - 79).

Migration had also taken a severe toll on the psychological well-being of some Afghans. Muhibullah himself is eventually taken to a hospital under the label of insanity. The narrator recounts: God knows how much I screamed before Manani and another neighbor put on their suits and took me to Khyber Hospital. There, I truly lay among the mad. Some were harmless, but one or two were violently insane. One was a handsome young man from the Adamkhel valley; at first, I thought grief had driven him mad like me, but this brute committed acts against us that are shameful even to recall. He would strip naked, splash urine all around, and spin like a top within it. Another was a silent old man who begged everyone to open his mouth so he could eat their lice. The tragedy was that there was no classification of patients in the hospital: from melancholic to violently insane, all were confined together in one large hall (Shpoon, 1998, pp. 94 - 95).

The imagery in the novel is particularly striking. Each scene is rendered so vividly that it resembles a cinematic sequence. At the very beginning, the narrator describes the Salang Pass as seen through a window: appeared like a sheer white muslin spread almost flat. The summer streams had become a smooth white plain, and the cliffs and deep ravines were so filled with snow that an unfamiliar traveler would feel tempted to step off the road and wander through them. The rhythm of this vast snowy meadow was broken in only two places: one was the mouth of the tunnel, which from the window looked like a head wrapped in a white shawl; the other was a cliff about four or five kilometers to the left of the tunnel, jutting toward the road, where the snow could not settle on the wall. When the snowfall paused and the sun emerged, it glowed crimson, like the face of a young woman encircled by a white veil (Shpoon, 1998, pp. 1).

Scenes are the structural building blocks of a narrative. These units simultaneously construct character and environment, and the value shifts that occur within each scene gradually shape the overall trajectory of the story that: without a stable sense of temporal beginning and closure, it is difficult to speak coherently about scenes or to strengthen them effectively (Story Grid, “Scenes”). Every story especially a novel requires an engaging opening and a steady rise toward climax: Once it reaches the summit, it leads both the self and the reader toward a necessary resolution (Seyyedi, 2010, p. 69). Shin Taghai follows precisely this pattern: it begins compellingly, advances through a rising arc, and arrives at a conclusion.

In a discussion with Ustad Shpoon on the Pashto novel, Aimal Pasarlay asked whether the presence of contemporary political situations and figures in his recent novels and references to earlier historical periods in his earlier works was intentional or coincidental. Shpoon replied: Whenever I write a novel, I portray the time in which I am living. During Shin Taghai, I was in Peshawar, the war with the Russians was intense, and when I wrote my current novel, I was in Kabul. Political commentary existed in my earlier novels and continues to exist now. In Shin Taghai, the protagonist was part of the resistance (Pasarlay, 2020, p. 143).

In a separate discussion on the psychological dimensions of characters in Pashto fiction, Ustad Najib Manalay, commenting on another of Shpoon's novels (*The Companions of the Cave*), observes that the author deliberately overlooks the limitations of reality to achieve a stronger portrayal of character: The protagonist is an extraordinary doctor who succeeds in everything he undertakes almost as if he performs miracles. In our broken world of dust and water, the existence of such a person seems nearly impossible, and even if such an individual were to exist, there would be no space for him among ordinary people. The writer is fully aware of this, yet for the sake of expressing his argument more forcefully, he consciously ignores the constraints of reality and creates such a character. I call this the artist's right to rebellion. However, once the writer decides to portray such a hero, he must then avoid scenes that emphasize the hero's weaknesses, even though such scenes might also add aesthetic richness to the work (Pasarlay, 2020, pp. 132–133).

This assessment by Ustad Manalay also holds true for the narrator of *Shin Taghai*. Whatever task he undertakes, he emerges from it successfully, reinforcing the novel's idealized yet symbolically powerful representation of resistance, endurance, and survival. Similarly, Zarin Anzor, who has examined contemporary Pashto narrative literature from a historical and critical perspective, asserts that: Ustad Saaduddin Shpoon occupies a distinguished position in the historical and critical study of Pashto storytelling. His stories and novels constitute significant works within Afghanistan's narrative literature. Ustad Shpoon's fiction holds a prominent place among the foremost works of Pashto literature, both in terms of thematic depth and artistic narrative qualities. His works are notable and exemplary for their political, social, and literary-artistic features (Anzor, 2014, pp. 499–500).

Conclusion

Shin Taghai stands as a literary masterpiece of the period defined by Afghan migration, jihad, and resistance in response to the Soviet invasion. It is distinguished by excellence on multiple levels: it vividly portrays the lived experience of exile and the critical moments of jihad, while also offering rich depictions of Kabul, Peshawar, Swat, and several other regions of that era. The novel's plot is coherent and logically constructed; its language is highly imagistic; its dialogues are finely attuned to the social status and psychological makeup of each character; and, at well-chosen moments, a refined layer of satire is interwoven, further enhancing its narrative appeal.

Within Pashto literature particularly the body of writing produced during the period of migration *Shin Taghai* occupies a position among the most significant novels. As a pioneering work, it inspired many writers to engage seriously with the novel as a form. Works such as “Pate Sha Baran Dai”, “Kochai Mulla”, “Obo Worray”, and others may be regarded as having been written in direct or indirect impression, even competition, with *Shin Taghai*.

Engaging with this novel enriches our literary and artistic sensibilities, especially in the domain of narrative prose. From a thematic perspective, its analysis and interpretation contribute meaningfully to illuminating some of the obscured and less-explored dimensions of the Afghan migrant experience during that historical period. Therefore, *Shin Taghai* also merits translation into other languages, most notably Russian and English, so that its literary and historical significance may reach a wider international readership.

References

Pasarlay, Aimal. (2020). *Da kiso kisy* [The Stories of Stories]. Kabul: Soroush Bookstore, p. 118.

Shpoon, Saad-u-Din. (1998). *Shin Taghai* [Novel]. Lahore: Sherkat Printing Press, p. 74. (Originally published 1377 A.H.)

Story Grid. (n.d.). *How to write scenes: Structure, examples...* Retrieved from <https://storygrid.com/scenes/>

A Masterpiece of Pashto Narrative Literature —————

Sayedi, Sayed Nazim. (1389 A.H.). *Nawal ba tsenga leeko?* [How to write a novel?]. Jalalabad: Momand Publishing House.

Anzor, Zarin. (2014). Pashto Dastani Adabyat [*Pashto contemporary narrative literature*]. Kabul: Danish Publishing Society.

Profesor Fazl Rahim Marwat

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) and Pashtu Literature

(3)

Andre Martinet, the French linguist once said that mother tongue is "the language through which one comes to know the world". Mother tongue and the motherland are abstract notions so mother tongue is the language to which the emotional attachment is the strongest, the language ensuring all the cultural riches whose destruction results in the destruction of innovativeness and creativity.¹

The mother tongue is the most important mode of communication and factor for dreams, unity, fraternity, unification, sympathy, progress and development of a society and nation. It is the main source of the culture, ideas and plays a role in uniting people with its common heritage, history, culture, traditions and ideals. It strengthens the common bond for the aspiration of liberation and freedom. Starting from home and family with its old traditions, folk and fairy tales imprints some permanent marks on infants which shape his/her personality. Free discussion with parents encourages the child for love, sympathy, education and creative thinking. The past stories and the heroic character inspire the children for future ease and hard. In the growing age of the kids, the parents, teachers, mullahs and in hujra (guest room/place) the elders can easily

¹ _ International Journal of Humanities and Management Sciences (IJHMS) Volume 2, Issue 4 (2014) ISSN 2320---4044 (Online)

write what they want to on the clean slate of a child's mind. This is the miracle of mother tongue. The anthropologists are of the opinion that the ethnicity is an identifiable feature wherever people choose to live? May it be the country of origin or a country of adoption? Incidentally language backgrounds become a visible ingredient of one's cultural heritage and ethnicity.

Khushal Khan -born in an environment of aristocratic ethos and Sardari system with titles from Mughal Raj, naturally developed a personality with an air of elitism. Yet his company and education with liberal and minded tutors changed his mind to an unbiased approach to other races and religions. Consequently, he developed an inquisitive nature and keenly observed each and everything. His skirmishes with Yousafzai tribe because of his personal tribal vendetta and may be, due to official position under the umbrella of Mughal king, also created realization towards national unity. He learned a lot from intra tribal feuds and his study, observation and tales of other prisoners in the Ranthambore Fort prison (India) followed by further detention in the same area for (total two and half years) years changed his mind and heart. His inner spirit and Pashtunness was traumatized and shocked. The distress and hate, pushed him away from the Mughals but at the same time flames of revenge and national spirit overwhelmed his personality. The new freedom fighter Khushal was born from the old chieftain Khushal who wanted to shatter the chains of slavery, subjugation, sardary, munsabdari and tribalism and embraced openly Afghan nationalism. Creativity, boldness, reason, logic and sense of belonging raised him to the zenith of a hero and national poet of the Afghans.

No one can match with him in his poetic flight, imagination wisdom and moral canons.

It is a fact of history that almost all preachers and reformers and even the prophets and pirs (mystics /preachers) in any society in any part of the world while addressing or communicating their message for reformation or guidance of his own people or nation trying to address them in their mother language because that is easy to understand, clear and effective but it does not mean that the message is only for that particular community or nation. Pashtu or Pakhtu or Afghani, a language of the Pashtuns/ Afghans is not only a language but a code of conduct or in elaborated form it is called Pashtunwali or Pakhtunwali. The culture of entire Pashtunkhwa at least in its essence, represents the great humanistic ideals of Zoroastrian, Greco - Bactrian, Gandharian and Islamic traditions, all integrated in the tribal code of the Pashtuns- the Pashtunwali or Pakhtunwali. Lutz states, 'doing Pashtu means to act honorably and to be guided by the values of Pakhtunwali.' Therefore, Khushal's statement regarding the upholding of honor at all costs affiliates with primary tenets of Pakhtunwali.^۲

The co-existence and interaction of this ancient tribal code with religious traits is an extraordinary and

^۲ _See Lutz statements article, " *Dastar Nama*: Khushal Khan Khattak's concept of Bravery".2019

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

interesting phenomenon which is indispensable to an understanding of the Pashtun national culture and character. Pashtunwali is therefore regarded as a balanced synchronization of characteristics with religious qualities.

Though Persian and Turkish as the languages of elite and ruling class and even the court languages or in other words the languages of power were discarded by Khushal for the sake of his own nation to create awareness, unity and fraternity in them. Even before Khushal the Roshanite used Pashtu for their own mystical, religious and spiritual gains. But Khushal bluntly infused the spirit of nationalism and Pashtunized or Afghanized Pashtu poetry. About his mother tongue Pashtu/ Afghani Khushal said bluntly:

چې په خپله افغاني ژبه نادان دي
په ترکی خبرې څه وایي افغان ته³

Translation:

He, who is ignorant of his own Afghan language,
This strange, indeed, that thou should address the
Afghans in Turkish.

Khushal proudly confessing time and again for acknowledging his services to Pashtu language by saying:

³ - Dost Muhammad Khan Kamil! Mohmand, *On a Foreign approach to Khushal*, Peshawar: Maktabha-i-Shaheen, 1968, P. 116

د خوشحال خټک په ژبه برکت شه
چې ویل کا په پښتو له هره باب⁴

Translation:

Blessed and commend is Khushal tongue,
Which in Pashtu has spoken on themes varied and
numberless.

He frankly admitted that he is trying in his own
language Pashtu to unite Pashtun on one platform
but their response is not encouraging, as he said:

په یوه ژبه ویل سره پښتو کړو
ولې هېڅ نه شو له یو بل خبردار
په لښکر لښکر نارو شوم ورته ستړی
دا کانه راته نه مهیرگ وایي نه ځار⁵

Translation:

Though we speak the same language Pashtu, But we
are unaware of each other,

I am exhausted calling upon to raise army,

But these deaf neither approve my call nor disapprove
it. He further stated about his efforts for uniting
Pashtuns by addressing in simple Pashtu:

⁴ - Sher Afzal Khan Berikoti (London), *Dabdaba Khushal*, Peshawar:
University book Agency, 1995, P. 78; see also Dawar Kban Daud, *Khushal
qv folklore*, Peshawar: Pakhtu Academy, 2006, P.61
⁵ -¹⁰¹ Lal Pacha Azmon, *Nabegha Khushal (Da Bela Belo MakaloTtolegai)*,
Kabul: Afghanistan
Academy of Sciences, 1397, P. 81; see also Maghmoom Kbattak, P. 91

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu)

که زما ژبه پښتو ده
په پښتو وایم خبرې
یو پښتون رانه ښکارېږي
چې پرې پوه شي نژدې لري⁶

Translation:

My language is Pashtu

and I convey my message in Pashtu, but none of the
Pashtuns,

are appearing in far and near to understand.

Khushal was aware of his intellectual, qualitative
pursuits and his distinctive leadership compelled
him to confess:

سبا به تل وي مسا به تل راځي
چې یو تېرېږي باندې به بل راځي
یو به خوشحال غوندي پيدا څوک نه شي
په شپه په ورځ کښې خوشحاله که سل راځي⁷

Translation:

Morning and evening will come and go In this cycle one
will replace the other.

No one will born like Khushal

Though hundreds of Khushals will appear everyday
Khushal literary contribution in his own language
left a benchmark for others to follow his footprints
with further innovations. He himself acknowledged

⁶ - Abdul Qayurn Zahid Mashwani, *Di Khusha/ Khan Khattak Kuliyat*, Kabul:
Asad Danish Matbua, 2008, P. 713.

⁷ - Rasa, P. 268

that succeeding poets will improve on it and will do better than what he has done. In the following couplet he said:

بندوبست د پښتو ژبې ما پېدا کړ
گڼه شعر د پښتو وه غېر سيال⁸

Translation:

I articulated proper form for Pashtu
It was not compatible, otherwise with the
contemporary poetry.

په وزن په مضمون په نزاکت هم په تشبیه کې
پښتو ویل مې عین فارسي دي رسولي⁹

Translation:

In balance, content, gentleness and metaphor
I elevated Pashtu poetry to the Persian standards.

سل سربني دې تر دا یو غزل څاریره
نن چې دا پښتو ده کرلاني خوشحال ویلي¹⁰

Translation;

Hundred Sarbni are spellbound by one *ghazal*,
As Khushal, the Karlani[referring to his tribal lineage]
uttered splendid Pashtu.

Abdul Zahir Shakib Afghan author, is of the opinion that
this couplet of Khushal is about Rahman Baba. But I

⁸ -Maghrnoorn Khattak, P. 157; Mashwani, P. 301

⁹ - zubair, P. 95

¹⁰ - Maghmoom Khattak, P. 896

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

think that some pieces of Rahman Baba poetry might have been available to Khushal because he mostly spent the last days of his life in the remote mountains of Khattaks and Afridis, and I am sure that Rahman Baba poetry was not yet in the form of Dewan.¹¹

Khushal gently criticized a celebrated Persian Poet Hakim Abdul Qasim Firdousi, a poet laureate in the court of Mahmud of Ghaznawi (971-1030 A.D). He is the author of classic work *Shahnama* (Book of Kings) Khushal said about him:

که له هجوي له غندنې درته وایم
فردوسي مي په دا کار کې نه دی سیال
فردوسي لري څو بیته له محموده
زه لرم د اورنگزیب د زم جوال¹²

Translation:

In reprimand and condemnation
Even Firdosi can't surpass me in this art [field],
Firdosi said a few verses to rebuke Mehmood
(Mehmood of Ghaznawi), While I have a heap of
denunciative oration against Aurangzeb.

¹¹ _ Abdul Zahir Shakib, *De Khushal Khattak Ashaar*, Kabul: Academy of Sciences Afghanistan, 2010, P. 110

¹² - Prof. Dr. Yar Muhammad Maghmoom Khattak, *Da Khusahal Baba Kuliya*, Peshawar, University Book Agency, 2016. P. 160

Though in his mother tongue, the task before Khushal is vast one and he deals with entire human nature with all its variations and complications, virtues and vices and to have a good look into it, his own mind and perception was near and clear mirror to him. Khushal is pioneer of the third phase of old Pashtu literature. This is the beginning of his revolutionary, universal poetry not limited to mysticism but rather new style based on knowledge, philosophy, romanticism and critical thinking. He covered all aspects of poetry from simple to intricate. He introduced almost all genre which were in vogue in the Persian and Arabic poetry and literature but "he [Khushal] hesitates to introduce escapism of Persian poetry into Pashtu and preferred practicality instead of escapism", comments late Professor Pareshan Khattak.^{۱۳} He loved Pashtu as well as Persian and expressed boldly with preference to Pashtu:

که تازی ژبه هر گوره ښه ده
 فارسي هم ډېره په خوند خوړه ده
 چايي پلو د جمال وانه خست
 پښتو لا هسي بکره پرته ده^{۱۴}

^{۱۳} _Abdullah Jan Abid, *Pashtu Zaban va Adab ke Mukhtasir Tarikh*, Peshawar: University Publishers, 2006,

^{۱۴} - pp. 63, 68-69.

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

Translation:

No doubt Arabic language is very well. Persian too sounds sweet.

No one has unveiled its beauty, Pashtu still remains virgin.

He further preferred Pashtu over Persian by saying:

په فارسي ژبه که نور تر ما بهتر دي
په پښتو ژبه مې مه غواړه مثال¹⁵

Translation:

In Persian language if others are better than me, but in Pashtu language I have no parallel.

About popularity and fame of his own poetry Khushal claimed:

گلدستي ئې لور په لور په ملک خوري شوي
تر کابل ټر کشمير ټر بنگال¹⁶

Translation:

These bouquets I have spread all over the country
From Kabul to Kashmir and up to Bengal

Although Khushal knew the importance of Persian as an elite language in the contemporary world however he adopted his own mother tongue for expression, communication and used it for politics and reformation of his nation.

¹⁵ - Maghmoom Khattak, P. 334; See also Berikoti *Opcit*, P. 132.

¹⁶ - Khadija, P. 444 "*Ibid*."

چې خوشحال خټک ئې وائي په پښتو ژبه خبرې

په فارسي ژبه به نه وي که پوهيري سځن هسي¹⁷

Translation:

Such poetry as Khushal Khattak recite in the Pashtu language.

One will not find such like sonnets in the Persian language if a man of taste understands.

For Khushal his language Pashtu was dear not only as a language but as code of honor and conduct to which he sticks to the last breath. Even the word sword or torra in Pashtu language is not only used for killing and fighting rather this word encompasses other meanings like to serve others, struggle and any good efforts individually or collectively in any field. Within this code Khushal wanted to achieve the higher goals of life by conviction and persistent struggle said:

چې صرفه کاندې په سر

یا صرفه کاندې په زر

نه به خان نه به سلطان شي

نه به خپل کاندې کشور

چې به خان میرنی نه وي

¹⁷ -¹¹³Rasa, P. 647

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

مرنتوب نه کا لښکر
یا تخت دی یا تخته ده
د شاهانو ځائی مقرر
که ئې گوري بد ژوندون دی
په جهان تر مرگ بتر¹⁸

Translation:

He who'll not take a risk with his head, Or who
grudges lavishing his gold,
Will be neither sultan nor Khan [chief],
Will have no conquered land [country] in his hold.
If he's not very bold himself, Will his followers ever
be bold?

The place for a king is his throne:
Let him hold it, or hear his knell tolled.
It is a bad life if you look at it
It is worse than death in the world.¹⁹

Dr. Khadija is of the opinion that "As he [Khushal]
ploughed a vast area of virgin soil, wherein he had
sown seeds of various themes, he had to draw
water from Persian, Arabic and Hindi reservoirs as

¹⁸ - Maghnoom Khattak, P. 923

¹⁹ - D. N. Mackenzie, (Trans. from Pashtu) Poems from the Dewan of Khushal Khan Khattak, London: George Allen and Unwin Ltd. 1965, P. 236. Slight amendments in English translation by the author.

Pashtu wells were insufficient to irrigate the vast field A poet is not expected to depend entirely on his own resources. He has the right to adopt language, feelings, sentiments and ideas."^{۲۰}

زه خوشحال پښتو چې په پښتو په فارسي طاق يم
لا مي په پښتو ژبه كي ژبه درغليري²¹

Translation:

Am Khushal Pashtun well versed in Pashtu and Persian. But still my tongue is hesitating in Pashtu
Khushal enriched Pashtu literature and placed the entire Afghan race under a deep debt of gratitude. The domain of Pashtu-poetry was a wilderness; Khushal reclaimed it, administered it, and laid down rules and regulations for it.^{۲۲} Due to his wonderful contribution to Pashtu literature he has the right to claim that:

که د نظم، که د نثر، که د خط دی
په پښتو ژبه مي حق دی بي حساب²³

Translation:

^{۲۰} _ Khadija, P. 455

^{۲۱} - Zahid Mashwaniv, P. 301

^{۲۲} _ Khadija, P. 455.

^{۲۳} - Rasa, P. 75.

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

I have a great [immense] right over Pashtu language, whether it is poetry, prose, or script.

This claim clarifies one thing, abundantly that the Pashtu language and Pashtu books existed before Khushal but the style and contents were not that of his caliber and skill.

Khushal's views on Education

Education is an important tool which provides knowledge, information, skill, technique and understanding about the rights and duties of human, family, society and nation. Without education it is difficult to explore new ideas, thoughts, creativity, and development in any society or state. In 10th century Pashtunkhwa or Roh religious education and learning was common, yet it was limited to mosques and khanqas (sufi lodge) and urbanized centers like Peshawar, Kabul, Kandahar etc. Even this type religious education was not available in rural areas and it was just limited to some well off classes of society. The curriculum and text books were consisting of holy Quran without meaning or translation and few Persian books. In the Afghan society, education and knowledge had no admiration because only physical power, authority and dominance were the rule of the day. Gallantry and chivalry was considered as respectable profession.

In such a society and environment, Khushal Khan comes out with a new concept of secular education, learning and skills. He considers knowledge and education as an agent of social change. It was his determined faith to be literate and skillful. There is no shame in getting knowledge or education even from kids or child. He argues in the following couplet:

هغه استاد گڼه چې درته څه ښيي
کشر هم مشر وي چې درته ښه ښيي
په سپينه ږيره به يې منت لرم
که وورکی راشي راته څه وښيي²⁴

Translation:

Consider him as a teacher, if he teaches you something

Even the younger becomes the elder if he teaches you good things I, even with my grey beard, will take it as his favor

If a child comes to teach me something.

As it is mentioned, earlier that getting education was an element of Khushal belief and commitment with his mission in life. Even in his old age, Khushal eulogized his friendship with pen and book in the following couplet:

- Rasa, P. 306^{۲۴}

چې مې یار دی یا قلم دی یا کتاب دی
اوس له دې یارۍ پاتې په ابصار شوم²⁵

Translation:

If I have a friend, it is only a pen or a book
Now this friendship has been broken due to my
eyesight.

According to Khushal in Afghan society, social change is possible either through war or education. But education is the most potent factor in social change. It effects inter-personal relations, economic, social, mental and political life of the people. Khushal approach was highly educational and wanted individuals to get more and more knowledge. That is why he said about teaching and learning process:

یو له بله زده کوي د دنیا دود دی
چې شاگرد نه شي استاد نه شي سړی²⁶

Translation:

This is the custom of the world that people learn from one another. One cannot become a teacher until [he remains] a student.

- Prof. Dr. Yar Muhammad Maghmoom Khattak, *Da Khushal* ^{۲۵}
Baba Kuliya, Peshawar: University book Agency, 2016, P. 969.
- Maghmoom Khattak, P. 980^{۲۶}

In this couplet, he emphasizes on learning, and says that first of all one needs to be a student then he can become a teacher but if he is not ready to become a student and learner how he can become a teacher?

Khushal continuously admires those dynamic personalities who conquer their evil self and overcome great obstacles with their will power. Khushal own determinations and strong will was extremely vibrant, dynamic and pragmatic in spite all odds and problems. His spiritual flight and physical might with high ambitions, endure and perpetual struggle for perfection of personality was ceaseless. He symbolized *Baz* (eagle) and *shahbaz* (hawk) two birds which represent a life of high ambition, endeavor and perpetual struggle leading to the development of a strong individuality in society. As Khushal says:

وي مي څه رنگه به والوځم اسمان ته؟
وي يي دا شي د همت په پر او بال²⁷

Translation:

I said how I would fly to sky,
Said it is possible through the wings of courage and struggle.

Maghmoom Khattak, P. 94. - ۲۷

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

Khushal time and again stressed on continuous struggle and determination as he stated:

که غوتې پسې وځي په لاس به درشي
چا وي دا چې په درياب کي گوهر نشته²⁸

Translation:

If you keep on diving down, you will
grab something, Who said that there
is no pearl in the river?

He further elaborated the high goals for the determined man by saying:

چي دي توان رسي په لوی درياب کي گرځه
په بېله کي دي زوال وينم نهنگ²⁹

Translation:

O Crocodile! [Symbolic] Better you try to live
in the deep river, otherwise you will not
survive in loch.

For Khushal education is not the end but rather a preparation for life. So, it must be achieved through active participation in life. In Khushal's view the real man is one, who embraces the hardships and

²⁸ Ibid, P. 71; see also Dawar Khan Daud, *Khusha/ and Folklore*, -
Peshawar, Pashto Academy, 2007, P. 2511.
²⁹ Maghmoom Khattak, P. 617. -

dangers and is not scared of them. To him the true joy of life lies in it. As he says:

تر مطلوبه پورې شرط د رسېدو دی
که تمامه لار په وینو شي الوډ³⁰

Translation:

Reaching to the destination is must, Even, if the whole path stained by blood.

During the days of Khushal and even before him there were mythologies and stories of going to skies but nobody could think that there could be a way to sky or people could go up in the space. Now when the scientifically advanced countries with modern technology are conquering moon and mars etc, it reminds us Khushal's sagacity, obsession and sayings for flight to sky with knowledge and skill, four hundred years ago.

Khushal Khan says nothing is impossible but strenuous effort and hard work is required. He says that the world will be in your control if you get knowledge and work hard." Dr. Niaz Muhammad claims that "Khushal Khan was an expert educationist and is founder of child-centered and activity-based teaching and learning process. Think

that four hundred years ago Khushal presented this theory, which psychologists and educationists prefer to adopt for the achievement of educational objectives in this modern age".^{۲۱} In the wake of tribal skirmishes of the Pashtuns and their encounters with the Mughals, Khushal Khan tried his best to explore every possible way to promote education, knowledge and skill in his nation. He strongly motivated the people to study books, critical thinking, logical discussion and dialogue.

Khushal Khan strongly disapproved comfort-loving people for education as such people are coward and hence can never think of facing the hardships of education. Therefore, he offered the concept of eagle. For him, a person bearing the qualities of eagle can get sound and fruitful education.²⁸¹ According to Khushal, a student must possess individuality like an eagle that leads a very independent life flying higher and higher in the sky. Eagle is a bird, which makes a continuous struggle making no permanent nest and lives on the rocks where there is no rest. So, a student must be brave

- Dr. Niaz Muhammad, *Khushal Khan Khattak's Educational Philosophy*, Ph. D Thesis, Qurtaba University of Science and Information Technology, NWFP, Peshawar, 2009, P. 43 ²⁸¹*Ibid.*, P.

facing challenges with full heart. That is why he recommends education for those who are dynamic, brave and who head towards unknown destination facing all odds fearlessly.

Khushal stated about knowledge that "Everything, whether it is chemistry, astronomy, health or wisdom is hidden in knowledge". Education has no end and boundaries, parents have to incessantly strive for it for their children from their infancy to maturity. For the Knowledge and education, he quotes the Quranic verse: "Those who don't have knowledge are like animals or worse than animals". He exhorts that the success of both the worlds is hidden in seeking of knowledge. Therefore, he prays to Allah and says:

"May God inspire and empower
everybody to get knowledge"

He himself was a knowledgeable person; he was very fond of reading books. He showed great interest in this field, which is a symbol of knowledge and expresses his educational background. He says in this regard:

دا یم راغلی په دا عمر چې مې ویني
زلمیتوب را څخه یو ور پریرې سپیني
یو د بنکار، بل د کتاب، بل د دلبرو
په جهان کې نورې نه شوي دا درې مینې

Translation:

You see that I reached this age
When my grey beard has taken away my youth

Yet I got the love of nothing else
except these three The hunting, book,
and beloved.

Knowledge and Wisdom

Though knowledge and wisdom are related terms, yet for Khushal both are necessary for intellectual and physical pursuits of human beings and the progress of a country. Briefly "wisdom is a state of the human mind characterized by profound understanding and deep insight. It is often, but not necessarily accompanied by extensive formal knowledge. Unschooled people can acquire wisdom, and wise people can be found among carpenters, fisherman or housewives...wisdom cannot be confined to a specialized field, nor is it an academic discipline; it is the consciousness of wholeness and integrity that transcends both. Wisdom is complexity understood and relationships accepted". Some scholars took wisdom as "the ability to discern or judge what is true, right, or lasting. On the other hand on the definition of knowledge debate among psychologists, philosophers and scholars is going on, yet in the nutshell we can define it as "information gained through experience, reasoning, or acquaintance." In the following couplet, Khushal adored wisdom by saying:

نه سرداري ورکا نه زرکاري ورکا
نه لوی ملکونه اوبه جاري ورکا

چې له ازله خدای څوک نمانځلي دي
هغه سړيو ته خدای هوښياري ورکا

Translation:

Neither chieftainship nor wealth and big country
The running and plenty water is the gift

Those who are gifted by God from the day first God
gave those men knowledge and wisdom.

Every person who tries to acquire knowledge and
capability is exactly the sign of fortune and felicity.
But on the contrary ignorance and lack of
knowledge is the sign of misfortune and
adversity. Everywhere fate is subject to skill

.Nobody has seen a skilled man to be disrespected
and no unskilled man is ever respected.

Khushal praised wisdom in his poetry by saying:

عیسی په معجزه رانده سړي بېنا کړه
دانا یې په دعا نه شو په عمر یو نادان³²

Translation:

Jesus, by means of miracles, gave blind men power
to see again, But in this life no single fool was made
a wise man by his prayers.

He further elaborated his concept of wisdom by
saying:

^{۳۲} -Maghmoom Khattak, P. 677

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu)

عيسى يو نادان هونښيار نه کړ په عمر
په اعجاز يې که ړانده بينا کول³³

Translation:

Jesus in his whole life did not make any unwise a wise person, Though he had miracle to make blind clear sighted.

If someone is not created clear sighted by God, then whose task is this to make an unwise person, a wise.

Khushal loves scholars, sages and educated men and praising them throughout his life as he said:

چې خبر په هنر نه هغه کم عقل
چې د خط سترگې يې نه وي هغه کور³⁴

Translation:

Those without skill are incompetent & fools. And those who can't read are blind.

For Khushal learning and knowledge is a ladder leading to heights and progress, while ignorance is pulling one downwards as he said:

علم تا بيايي په پورته جهل تا بيايي په کښته
يا عيسى لره وردرومه يا قارون ته ځان سپاره³⁵

³³ -*bid.*, P. 994

³⁴ -Maghmoom Khattak, P.544

³⁵ -Mghmoom Khattak, P. 758

Translation:

It is the knowledge that pushes you upwards but
ignorance pushes you downwards,

Either you should go toward Jesus [towards sky] or
towards earth to Qaroon [Mammon, symbol of
wealth].

د جاهل سره گلگشت لکه دوزخ دی

له دانا سره راضي يم که مي بند کا³⁶

Translation:

With the ignorant person am not happy in garden But
with the wise man happy in prison.

In all the time intellectual and wise men are playing
important role in raising nations and states. In this
respect he stated:

هوښيار به هر کله زمانه ساز وي

په دانايی به يې د کار آغاز وي

نادان به هېچرې په دا خبر نه وي

په هر هر کار به يې بي خايه راز وي³⁷

Translation:

³⁶ - Abdul Qayum Zahid Mashwani, *Di Khushal Khan Khattak Kuliya*, Kabul: Asad Danish Matbua, 2008, P. 17

³⁷ - Zahid Mashwani, P. 463

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

Wiseman will always shape up life Will take every step
in life wisely, The ignorant is unaware from
everything And will have no knowledge.

Khushal confesses that just a simple talk is not
enough for development and progress rather 'practice
makes a man perfect' as he says:

په چارم اسمان به ناست لکه عیسی وم
که اسمان ته الواته شوی په خبرو³⁸

Translation:

If winged words could have carried me In their flight up
to skies

I'd seated now in the heavenly sphere Where the
prophet Jesus is. Khushal stresses on individuals to
learn more and more to excel you in knowledge to
teach angels.

هومره علم زده کړه چې فرښتو ته سبق ورکړي
بيا به خبر نه يي د جهان په تر هات

Translation:

Gain so much knowledge that you can teach angels,
then you will be not aware of the worldly problems.

³⁸ -Rasa, P. 489; see also Maghmoom Khattak, P. 697

Khushal in light mood criticizing the duality in thoughts and actions of man with a reference to himself by saying:

سر په سجده کېږدي وايي نمونځ کوم خوشحاله
زړه ته نظر نه کړي په کې څو لات و منات³⁹

Translation:

Khushal you are prostrating on the ground for pray
Yet in your heart laying *laat* and *manatt*. [two grand
idols in Kabha in pre-Islamic period]

Even in his old age, family feuds and other
problems Khushal was not satisfied from his own
knowledge and wisdom and aspiring for more.

که سترگې نه لرم چې هسې گوري
بې د عینکو د کتاب توري
پیری تتي کړې شکر و کارم
چې لا پرې وینم د اسمان ستوري

Translation:

Without spectacle now I am unable to read books,
Even I am grateful in old age that still I can watch stars
in the sky.

Khushal identified three weakness of his nation by
referring to his own self as he said:

³⁹ - Maghmoom Khattak, P.516

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

يو غفلت بل جهالت درېم شهرت دی
د خوشحال د ځان بلا دي هم دا درې⁴⁰

Translation:

The three things are demon for Khushal,
The first is negligence, the second ignorance and the third fame.

About Khushal's love with learning and knowledge late Professor Dr. Raj Wali Shah Khattak comments,

"Khushal Khan Khattak had been in touch with books. Thus, he got different kinds of knowledge of his time and authored several books on different topics, yet it seems that he was not satisfied with his education and remained exacting about education till last".⁴¹

The following of his verse a profound understanding of his extreme zest for education.

د جهان تحصیل به کُل واره زما وه
که اخته نه وی د بنکار په اشتعال⁴²

Translation:

All the knowledge of the world would have been mine,
Had I not indulged in the hobby of Shikar (hunting)

⁴⁰ -Maghmoom Khattak, P. 557

⁴¹ - Dr. Niaz Muhammad quoted Dr Raj Wali Shah interview, P. 39

⁴² - Dr. Niaz Muhanunad quoted Dr Raj Wali Shah interview, P. 29

Khushal gives another example of hard work regarding education; he says: Wood, when cut and hewed, becomes an arrow Even a horn becomes a good hilt with a skill and hard work Knowledge comes after going through the process of learning One, who becomes desperate about death, becomes the chief.^{۴۳}

Khushal considered writing skill or calligraphy as an important source of communication.

څوک چې خبر شي د خط له خوند
قلم به نه ږدي په حرف بي بند
شماره د نورو حرفونو څو کړم
چې يو الف دی په درې پيوند^{۴۴}

Translation:

He, who tries/ test the skill of writing,
Will not use the pen like an immature person. How I
would count the other alphabets;
When just Alif [A] is written in three styles.
In another Ghazal he says:

افرين دي په ويلو شه خوشحاله
چې د تورو رڼول کړي په قلم کې^{۴۵}

^{۴۳} - Dr. Niaz, P.41

^{۴۴} - Rasa, P. 126

Khushal on his Mother Tongue (Pashtu) —————

Translation:

Weldon Khushal for your sayings

As you are sticking words with the pen.

Associate Prof. Dr Shahad Rahimi

**Thematic Research of Pashto–Russian Dictionary
Articles in Kabul journal**

Abstract

(Thematic Research of Pashto–Russian Dictionary Articles in Kabul journal) under this research title which has conducted regarding Pashto-Russian and Russian-Pashto dictionary from (1330 A.H.) to (1350 A.H.) in Kabul Journal, thematic research of the written articles has been done. The first article in this study is about the Pashto-Russian dictionary written by (Ma Ka Rahmani). in this article, the writer has written” Pashto-Russian dictionary has written Mr. Zodin which consisted of (12000) words. In a part of this article, the translation of Pashto language poems and tales are also discussed.

The second article was written by Motamed Shinwari regarding the Russian- Pashto dictionary. He says that the Russian Pashto dictionary is the second dictionary written by Mr. Zodin and published in Russia. This dictionary has twenty-one thousand (21000) words which includes (1174) pages. The author writes in this article: The Pashto language has been served a lot by the Soviets in Russia. In 1345, the Russian Pashto Professor Mr. Aslanov (Pashto-Russian dictionary) wrote that it had about 80,000 words. It was the largest dictionary in Russia at that time. The Pashto language all words compositions and dialectal differences were translated in Russian language. In the last article, Mr. (Ergi Bachka) has a critical review of Aslanov (Pashto-Russian dictionary), in which all the defects of (Pashto-Russian dictionary) have been pointed out. The author writes that Aslanov's service to the Pashto language in the early days

is valuable, but at the same time, the change of phonemes between words is his biggest weakness.

Research Objective

The main objective of this research is to conduct a thematic and analytical study of the articles published in Kabul Journal concerning Pashto–Russian and Russian–Pashto dictionaries. Observe the role of Russian scholars and Afghan writers in the development of Pashto lexicography.

The Importance of Research

The importance of this research lies in its contribution to the study of Pashto lexicography and linguistic history.

This study is significant because:

- 1 - It serves as an important reference for students and researchers of Pashto language, linguistics, and lexicography.
- 2 - The findings of this study can guide future dictionary projects and contribute to improving the quality of Pashto lexicographical works.

Research Method

In this research, descriptive and analytical methods have been employed.

Key Words: Qamos, Pashto-Russian dictionary, MR. Aslanov, Mr. Doryankove.

Main Context

Lexicography the art of compiling dictionaries is a well-established and valued tradition among the world's advanced languages. The progress of any language depends upon the richness of its vocabulary; the more extensive and refined its lexical wealth, the deeper and more enduring its historical presence among other

tongues. Thus, the writing of dictionaries is not merely a linguistic endeavor, but an essential means for linguistic development and cultural preservation.

Like many other languages, Pashto was a rich historical background in the field of lexicography. Generally, a dictionary is defined as a collection of words arranged alphabetically. However, the Pashto Explanatory Dictionary defines “Qāmūs” (dictionary) as:

“Wog – Dictionary the name of the lexical book of Amir Timur’s contemporary, Fīrūzābād; today, any book of words is called a Qāmūs”. (1:2318)

1- Pashto and Russian Dictionary (Translations from Pashto)

The article titled Pashto and Russian Dictionary, written by Rahmani, published in the 5th issue of Kabul Journal in 1335, The Pashto–Russian dictionary was published in Moscow in 1950. (2:62)

In this article, the author says that for years, Pashto was considered a rural language and no one except Pashtuns spoke or knew it. However, recently, since Afghanistan established political and cultural relations with other countries, the attention of linguists has also turned to this direction. Some have developed a love for this language and started learning it. (3:13)

The development of a language is related to the political and economic relations of that country. When the political partners of a country increase, the language of that country also develops with it. The Pashto language reached Russia based on the country's political relations. Writers from that region learned Pashto and wrote valuable works about Pashto. When they started learning Pashto, they came to Afghanistan to learn the language, the author writes: (Just as courses for learning Pashto

have been established in many countries of the world and its teaching has started in faculties, some of these courses and graduates have also come to Afghanistan to improve their Pashto language after graduation, and publications of the Pashto community are sent to many foreign countries, and literary and cultural relations between them are increasing day by day).(4: 14)

Based on these political relations, many foreigners have invested money to learn Pashto and learned Pashto. Pashto language curricula has been included in universities and courses in various countries. Those students who wanted to learn Pashto completely and research about Pashtuns would come to Afghanistan for further studies and learn Pashto here.

The greatest work for the recognition of Afghanistan in the rest of the world was the writing of the (Russian-Pashto) dictionary and the translation of Pashto dialects and poems by famous Pashto poets, which were published in the Soviet Union.

P- Zodin published a volume of the Pashto dictionary with Russian six years ago, which contained 12 thousand words, and now he has published the second volume of that dictionary, the Russian dictionary with Pashto. In this dictionary, 21 more words have been replaced than in the previous dictionary. (5:14)

Also, the translation of Pashto language proverbs and poems of some reputable poets into Russian is another book written by Kalina Lebedev and Semyonov, and the translation is very good and ongoing.

In this article, the author has generally discussed the development of the Pashto language from the political side, as well as the works written by Pashto language and Russian writers. A book of Russian-Pashto, Pashto-

Russian and Pashto language proverbs and poems has been discussed in this article. The development of the Pashto language has been proven politically. Compared to other countries, the Pashto language has become very significant for Russian writers; because they wrote books on the subject of dictionaries.

2- Russian Pashto Dictionary

The article titled Russian Pashto Dictionary was published in the 10th issue of the Kabul Journal of 1343, page 36, by Motamed Shinwari. This article discusses the second dictionary (Russian-Pashto) of the Russian writer Zodin. The author writes in this article: Russia has come to the realization that the Pashtuns are a positive nation and have always defended their country, and they have also realized that this nation manages the political and economic affairs of its country in such a way that it is a high example of the principles of neutrality and coexistence with other nations. This is the reason why the Soviets look at this nation with great respect and study its language and literature. On this basis, the Soviets want to be close to the Pashtuns through friendship and cooperation, a good example of which is the service of the Pashtun language in Moscow. Pashtun has a full place in the Moscow Radio, there is a department in the Institute of Asian and African Nations in which many Soviet scholars work, many courses have been opened for the study of the Pashto language. Pashtun is taught as a foreign language in schools and universities of the Soviet Union. Every year, many books in the Pashto language are published in the Soviet Union. A good example of this is the Zodin (Russian-Pashtun) dictionary, which has twenty-one thousand (21,000)

words and (1,174) pages, which is a very valuable dictionary for Pashto and Pashtuns. (6: 36)

The Soviets have good political relations with Afghanistan and are a close neighbor, because they always try to have close relations with the Pashtuns. In Moscow, concrete steps have been taken for the development of the Pashto language, good examples of which are the Moscow Radio and its inclusion in the curriculum as a foreign language in schools and universities.

The author of the article writes about the arrangement of the words in the Russian-Pashto dictionary: (This book is very important for those who want to learn Russian because this book is written in such a way that the Russian dictionary is translated into Pashto. It should also be said that every effort has been made to translate Russian words into Pashto words and that various Pashto dialects have been referred to in it. Several words have been brought against a Russian word, for example, in Russian, rain is called (dosht). The following Pashto words have been mentioned against this word: Rain, Raindrop, shigarh, Rainfall, hakhmah, sheebah, which on the one hand indicates the vastness of Pashto and on the other hand shows the great research of the Soviet researcher (Zodin). This is the first dictionary published in Pashto in the Soviet Union).(7: 37)

According to the author of the article, four dictionaries of Pashto and Russian were published in Russia in the early days, two of which were the dictionaries (Russian-Pashto) and (Pashto-Russian) were written by Mr. Zodin, and two other dictionaries, one called (Russian-Pashto Small Dictionary) and the other (Pashto-Russian Small Dictionary), were written by Mr. Lebedev and have been

prepared for publication. The fifth dictionary, which is the largest, contains approximately eighty thousand words. it was not published at that time, but was under publication. This dictionary was written by the Pashto scholar Aslanov.

Mr. Zodin has written an introduction to the Russian-Pashto dictionary, which I quote here from the author of the article: (The development of cultural and economic relations between the Soviet Union and Afghanistan created a need for a (Russian-Pashto dictionary). This dictionary is useful not only for Russians who want to learn Pashto, but also for anyone who knows Pashto and wants to learn Russian.

The printing house for printing foreign and national dictionaries, taking into account the above need and also sensing the needs and demands of the academic authorities of the Soviet Union, accepted the publication of this first (Russian-Pashto dictionary) and happily completed this task.

In order to translate Russian words into Pashto and to achieve complete harmony between the words of both languages, I worked on this subject for a long time, looked at dictionaries, searched contemporary Pashto publications, and studied Pashto literary literature and textbooks.

This dictionary was completed when the (Pashto Dictionary) published by the Academy of Afghanistan came to my fingertips. I have made full use of this dictionary).(8: 38)

This Russian-Pashto dictionary has an appendix at the end, which contains a brief but comprehensive grammar of the Pashto language. This appendix is written by Mr. Shafif, a candidate of philological sciences.

In short, it can be said that this (Russian-Pashto dictionary) is very necessary for students who are learning Russian language. and this book is a good addition to the Pashto language.

3- Pashto-Russian Dictionary

Mohammad Akbar (Motamed) Shinwari has published an article titled Pashto-Russian Dictionary in the 9th issue of Kabul Journal in 1345. This article contains detailed information about the Pashto-Russian Dictionary.

The author of the article writes in 1345, the Great (Pashto-Russian Dictionary) was published in Moscow. The author of this dictionary is Professor Aslanov and the responsible editor is Professor Duryankov. This dictionary is printed in 1960s at the Encyclopedia Press of the Academy of Sciences of the Soviet Union, and has 996 pages, the paper is first-class and the color of the spine is beautiful. This dictionary contains fifty thousand words and it is the biggest dictionaries that have been printed in Pashto. This dictionary is very careful to explain all the uses of a word and bring all the terms related to it.(9: 25)

The biggest dictionary in Pashto and Russian is Professor Aslanov's (Pashto-Russian Dictionary), which is written in a very detailed manner. A good feature of this dictionary is that it brings all the combinations and dialect words for each Pashto word. A Russian person can easily identify the different combinations and dialectal variations of a word, that is, the combinations and dialectal variations of each Pashto word have been translated into Russian. For example, the combinations related to stone and eye have all been translated into Russian. Such as: (tizá ġwárzáwəl, də Žránde tizá, də tizo kor, rásobi tizá, də máθne tizá, də stərġo tor, málale

størge, mṛawe størge, də størgo car, størge páxáwəl, lmár størgá, də sáhar størgá). Dozens of such combinations have been explained in Russian.

The primary purpose of writing this dictionary is to help teachers, translators, and Afghan scholars. It is also possible for Afghan students who are learning Russian to use this dictionary. This dictionary contains most of the words that are used in daily conversation, and it has also brought proverbs related to some words.

According to the author of the article, this dictionary is based on the Western Kandhari dialect, but it is not devoid of eastern and local dialects. The best and most useful work in this dictionary is the use of pure words that have been forgotten by time and are now used in Pashto in place of words from other languages. For example, the dictionary writes: (ځاني) is a pure Pashto word that means " Gleaner ", (څار) is a pure Pashto word that means " Qisas ", (څڅی) is a pure Pashto word that means "bride". (10: 27)

Two prefaces have been written for the Pashto-Russian dictionary, one written by the dictionary's editor, Duryankov, and the second by the dictionary's author, Aslanov. First, I will briefly summarize the introduction by Mahmud Dur Yankov, which the author of the article translated into Pashto: (Dur Yankov writes that the author of the dictionary decided to publish this dictionary for several reasons, one is that the importance of the Pashto language has increased in Afghanistan in the present time, and the second is that relations between Russia and Afghanistan have improved. The author of the dictionary, Professor Aslanov, who is a Doctor of Philological Sciences in the Soviet Union and is the most knowledgeable teacher of the Pashto language, has

collected words for the dictionary from literary works, folklore, newspapers, textbooks, and scientific journals. The dictionary also uses the (12,000) words that Professor Aslanov had collected during his mission. The collection of materials for this dictionary was completed in (1352) but was delayed due to some difficulties. The writing of these words was completed when the Pashto community began to publish the (Pashto Dictionary) and (Afghan Dictionary) published two dictionaries under the names. Many dictionaries published in the Soviet Union and Afghanistan do not contain complete Pashto words and are not written according to the principles of grammatical writing. This is because in these dictionaries, the letter " stress " is not used for Pashto words, nor is the place of " stress " known in the word. The only writer who has identified " stress " in words is Mohammad Gul Momand. In his dictionary "Pashto Sindhi", he introduced the letter " stress " in words and also identified the place of " stress ". The pronunciation of words is not written in the Afghan dictionary, nor are the grammatical characteristics of words, feminine and masculine, mentioned.

While Aslanov considers it necessary to write a large lexical textbook, he has focused on translating the dictionary correctly and interpreting the meanings and nuances of idioms as they should be. Pashto was established as the official language of Afghanistan in 1936. In 1964, in Article 3 of the Constitution, Pashto was made an official language along with Dari. In recent years, the scope of Pashto has expanded. Press work is done in it, laws are printed in it, and literary works are written in it. Radio broadcasts are made in this language, and teaching and office work are carried out in schools.

The written literature of Pashto that has come down to us dates back to the eighth and eleventh centuries, such as the poems of Amir Karoor and Sheikh Malikyar. Among the ancient and historical works of Pashto are the works of Suleiman Mako and Sheikh Milli. The works of the middle period that were well developed include the works of Khushal Khan Khattak, Rahman Baba, Abdul Hamid, and the founder of the state, Ahmad Shah Durrani, is closely related to the names. The current Pashto movement and the development of Pashto literature came about after the independence of Afghanistan. The Pashto language is an Aryan language by origin and is gradually joining the Indo-European group... (11:28)

Currently (1404 AH) the Pashto language has more employment opportunities than ever before, the Pashto language is used in all government departments and administrative work is carried out in the Pashto language, and government leaders also send a list of words that have entered the Pashto language from other languages to the Afghan Academy of Sciences to be made Pashto. The Pashto language has priority in all government affairs.

The above article was a translated introduction by Duryankov, who wrote a Russian dictionary in Pashto. Now, I will quote a translated part of the introduction written by the author of the dictionary, Aslanov. Professor Aslanov writes: (This dictionary is written for a wide scientific community that deals with Pashto. This community includes students, professors of higher oriental studies schools, translators, and Soviet specialists working in Afghanistan. Also, students, especially those who are learning Russian, can use this dictionary...

I have encountered some difficulties in compiling this dictionary, and this is because Pashto has many dialects and no satisfactory work has been done on it so far. I have brought a dictionary that has one meaning in four forms due to the differences in dialects. Many difficulties have arisen for me because the terminology in different fields of science has not yet been fixed, but is in the process of being created. The most difficult problems that I have encountered are The first thing I noticed was the names of plants and zoological terms. These things are not explained well in Pashto dictionaries and are left out. The obvious problem I saw in the arrangement of the dictionary was that in Pashto, some words are sometimes written with (و) and sometimes without (و), and some words are written with (ی) and sometimes without (ی) such as *خېشت* and *خشت*, *کوچنی* and *کچنی* in the meaning of " Wet ". Also, words that have come to Pashto from European languages are also written in different forms, such as: *ډاکټر*, *ډاکټر*, *ډاکټور*, *ډاکټر*, which is an obvious problem in writing a dictionary...

I consider it my duty to thank the institutions and individuals who have helped me in this difficult task. First of all, I would like to express my gratitude to the Pashto Society because they have always sent me necessary and needed works. I would also like to thank the President of the Pashto Society, Professor Siddiqullah Rishtin, and the members of the Pashto Society, Mohammad Akbar Motamid Shinwari, Mohammad Din Zhwak, and Mohammad Ibrahim Sabet, because they reviewed the draft of my dictionary and made some corrections to it...) (12:29)

The introductions of both the author and the editor of the Pashto-Russian Dictionary have been mentioned above.

Now, I will quote a part of the article regarding the arrangement of the words in this dictionary. Mr. Motamed Shinwari writes: Pashto words are arranged in alphabetical order. Words that are written in the same way but have different pronunciation and meaning are written differently and cannot be written once, such as: Baj, Baj, Baj, these three words above have the same form in writing but their pronunciation and meanings are different, so they were written three times and other such words.

The pronunciation of a Pashto word is first written in Russian letters, then its masculine and feminine are indicated, and if it has any grammatical features, it is also explained, and then the Russian translation of the word is written. In the dictionary, the dialects are differentiated, that is, it shows whether it is an Afridi dialect or a Waziri dialect, an eastern dialect or a western dialect, and so on. The place of the word's intersection is indicated and a special symbol is placed on it. Words that have different plurals are all included, such as: پل, پلونه, پلان or طبقه, طبقي, طبقات... Words that are not Pashto but are used in Pashto are also included in the dictionary, but they are written next to the word that comes from Arabic, Urdu or Hindi. All Pashto pronouns are included in the dictionary with grammatical features, and all relations, adverbs, numbers and restrictions are mentioned in alphabetical order in the dictionary. (13:33)

This article also includes the introduction of Professor Aslanov and Duryankov. I have briefly introduced them here according to my research:

Professor Aslanov: The period before the October Revolution is called the Soviet period. During this Soviet period, the first person to be recognized as a Pashto

teacher in Russia was Aslanov. Mr. Aslanov has been teaching the history of Pashto literature in Moscow's higher schools since 1943, and has been a teacher and lecturer of this art for twenty-five years. Mr. Aslanov has written the following works in Pashto in Russia:

1- Pashto folklore, 2- Pashto literature, 3- The national movement of the Enlightenment and its impact on Pashto literature of the sixteenth and seventeenth centuries, 4- Pashto-Russian dictionary. In addition to these works, he has written various articles on Pashto literature, which have been published in Russia.

Nikolai Duryankov: Nikolai Duryankov was born on January 3, 1923, in the family of a worker in Moscow. When he learned good and bad, he applied his true talent to general linguistics, and especially to the study and research of the Pashto language and Pashto literature. Dur Yankov entered the Pashto Department of the Higher Faculty of Oriental Studies in 1941 and graduated from it in 1945 and was appointed as a professor. In 1957, he entered the Academy of Sciences of the Soviet Union and was appointed as an assistant director of the Institute of Oriental Studies. In 1960, he was elected as an honorary member of the Pashto Society and was given a decree by the Prime Minister of Afghanistan. Mr. Dur Yankov has written many works in the Pashto language, the most famous of which are: 1- The Pashto Language, 2- An Introductory Course in Pashto, 3- Social Songs in Contemporary Afghan Literature, 4- Contemporary Afghanistan. (14:33)

Mr. Dur Yankov has written many articles on the Pashto language that have been published in Russia, and he has also written a Pashto grammar that is used by Russian students. In general, it can be said that Professor Aslanov

and his student Nikolai Duryankov have done more for the Pashto language in Russia than anyone else. After the publication of their books, they have trained many students in the Pashto language, and after Aslanov, they have nurtured the Pashto language in Russia.

4- Aslanov's Pashto-Russian Dictionary (Overview)

This article was written in Russian by Mr. Ergi Bachka and translated into Pashto by Mr. Kausar Ghoryakhel. It was published in the 9 issues of Kabul Journal (1349). This article provides a critical review of Aslanov's Pashto-Russian Dictionary. The first part of the article discusses the development of the Pashto language. The author writes that when Pashto replaced the national language of Afghanistan in 1964, its development began. Also, when the Cultural Agreement between Russia and Afghanistan was written in Pashto and Russian and signed between the two countries in 1964, the importance of the Pashto language in the region increased. In this article, both authors have highlighted the features and shortcomings of the Pashto-Russian Dictionary to the best of their ability. The Pashto-Russian Dictionary is the only dictionary that contains up to fifty thousand words. This dictionary is mostly pronounced based on the Western dialect and also pays great attention to the use of letters in words. For letters that can be used differently in dialects, a letter has been assigned to them in the alphabet. For example, the letter (ک) that represents both the (ش) and (خ) dialects has been assigned the letter (X), and the letter (گ) has been assigned the letter (G). This dictionary also has some weaknesses that the author has pointed out as follows:

(All the verb forms are shown in Arabic script, so the original position of the accent is not clearly visible in the

pronunciation of the letters. The letters that are borrowed from European languages are given two accent marks, but both accents are not used in their places. (15: 32)

In this dictionary, some adjectives are sometimes mentioned alone and sometimes both, such as, unaware and unaware, selfless and selfless, are written separately in the dictionary. The author of the article has also pointed out printing errors in some parts of the book, and has marked them in the article so that they can be corrected again.

Conclusion

This study highlights the important role of Pashto–Russian and Russian–Pashto dictionaries, as discussed in Kabul Journal, in supporting the development and international recognition of the Pashto language. These dictionaries reflect the efforts of both Russian and Afghan scholars in compiling, organizing, and translating words, idioms, and literary expressions from Pashto into Russian and vice versa. Their work has contributed significantly to preserving the language, documenting dialectal variations, and providing accurate lexical resources for learners and researchers.

Moreover, the study shows that the dictionaries were not only linguistic tools but also a reflection of cultural, historical, and literary connections between Afghanistan and Russia. The efforts of scholars like Zodin, Aslanov, and Dur Yankov demonstrate how political and cultural interactions encouraged the study and promotion of Pashto in international contexts. by translating proverbs, poems, and dialectal terms, these dictionaries helped to introduce Pashto literature and language to a wider audience.

Finally, the research identifies some challenges and limitations in these works, such as inconsistencies in spelling, pronunciation, and the representation of certain dialects. Recognizing these issues provides opportunities for future improvements in Pashto lexicography. Overall, this study emphasizes the value of these dictionaries as both educational resources and historical documents that contribute to the ongoing development of Pashto language studies.

Reference

- 1 - Pashto Tashrihi Qamos, 4th edition, Academy of Sciences of Afghanistan Center of Languages and Literature.
- 2 - Nasrullah Nasir, The History of Pashto Lexicography, Mirwais khaparandoya Markaz, Peshawar, 1390.
- 3 - Rahmani, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 5gana, 1335.
- 4 - Rahmani, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 5gana, 1335.
- 5 - Rahmani, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 5gana, 1335.
- 6 - Motamed Shinwari, Rossi Pashto Qamos, Kabul Journal, 10 gana, 1343.
- 7 - Motamed Shinwari, Rossi Pashto Qamos, Kabul Journal, 10 gana, 1343.
- 8 - Motamed Shinwari, Rossi Pashto Qamos, Kabul Journal, 10 gana, 1343.
- 9 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana, 1345.
- 10 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana, 1345.
- 11 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana, 1345.

- 12 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana,1345.
- 13 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana,1345.
- 14 - Muhammad Akbar Motamed Shinwari, Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal, 9 gana,1345.
- 15 - Ergi Bachka, Translator: Kawsar Ghoryakhil, Da Aslanove Pashto Rossi Qamos, Kabul Journal ,9gana,1349.

3. 2. Kulturelle und politische Motive

Die Erzählprosa des Pašto wurde seit den 60-er Jahren zunehmend mit der sozialen und kulturellen Komplexität konfrontiert. Es hat sich zu einer Tradition entwickelt, daß die Schriftsteller immer wieder dieselben sozialen und kulturellen Motive gestaltet haben, wobei thematische Varianten bei den Abhandlungen der Probleme sowie stilistische Züge von Autor zu Autor verschieden sind.

Musa Šafiq wendet sich in seiner Kurzgeschichte „Herr Doktor“¹ den Problemen eines im Ausland ausgebildeten Intellektuellen zu. Herr Doktor, der nach seinem Studium in seine Heimat zurückkehrt, findet sich hier nicht zurecht. Die Hauptkonflikte ergeben sich zunächst aus der Inkongruenz seiner während des Aufenthaltes im Ausland gewonnenen wissensmäßigen kulturellen Erfahrungen und den entfremdeten Kulturphänomenen bei bestimmten Schichten der afghanischen Gesellschaft. Die Konfliktsituation ergibt sich aus einem Kulturwandel, in rückständigen Gesellschaften eine typische Erscheinung, der sich zunächst in den entfremdeten Zuständen bestimmter Schichten äußert. Das Kernmotiv, das Musa Šafiq in seiner Geschichte aufgreift, ist das der kulturellen Entfremdung. Die Reaktionen der Figuren und ihre Verhaltensweisen in konkreten Situationen sowie die Detailaussagen zu den einzelnen Figuren (Herr Doktor und Mahbuba Ġāna) legt der Autor dem Motiv der kulturellen Identität zugrunde.

Die Geschichte „Herr Doktor“ von M. Šafiq ist insofern interessant, als er durch eine neue Figurenkonzeption eine

¹ In: BENAUA, 1341 (1962), S. 774 – 785.

neue thematische Orientierung hervorbringt. Die Figuren, Mahbuba Ġāna, Hosei und Herr Doktor, stellen nicht die in den meisten Kurzgeschichten des Pašto auftauchenden konstanten Charaktere dar, sondern sind Figuren, die trotz der gesellschaftskritischen Interessen durch ihre Verknüpfung mit Motiven aus dem Themenbereich der kulturellen Entfremdung thematische Erweiterung in der Literatur hervorrufen.

Die Geschichte beginnt mit der Beschreibung der Lebensbedingungen, Denkweise und Erfahrungen ihrer beiden Figuren, Mahbuba Ġāna und Herr Doktor, (S. 774 – 779). Das fiktive Geschehen findet in einem Dialog zwischen den Hauptfiguren H. Doktor und der hübschen Nichte von Mahbuba Ġāna, Hosei, statt, (S. 783 – 785).

Herr Doktor, der nach seinem Studium im Ausland zurückgekehrt ist, gerät in eine Konfliktsituation, da sich seine Wünsche (heiraten, ein Haus für sich bauen usw.) nicht erfüllen lassen. Die Ansichten, die er von Hosei und deren Tante erfährt, laufen seinen eigenen Erfahrungen und Wünschen zuwider. Die Situationen, die auf den Seiten 782 – 785 gestaltet werden, sind völlig dem Motiv der falschen kulturellen Identität angegliedert. Hosei und ihre Tante sind die Trägerinnen des Kernmotivs, während die Hauptfigur, Herr Doktor, als Gegenspieler eine Figur darstellt, die um Verständnis bemüht ist, was ihm aber nicht gelingt.

Der Autor motiviert das Problem der kulturellen Entfremdung dadurch, daß er immer wieder typische Situationen darstellt, in denen z. B. die Trägerinnen des Kernmotivs ständig dieselben Fragen aufwerfen, sich ähnlich verhalten und durch ihre Handlungen den seelischen Zustand der Figuren veranschaulichen, der völlig von Entfremdung beherrscht wird.

Der Schriftsteller, Nur M. Taraki wendet sich in seinem Schaffen stark der sozialen Problematik zu. In einer seiner Erzählungen verwendet er das Motiv des politischen Kampfes eines einfachen Lohnarbeiters, der für die Rechte seiner Klasse eintritt, als Kernmotiv. Dieses Motiv wird auch von anderen Autoren aufgegriffen. Bei Kubra Mazhari erscheint es z. B. als ein Nebenmotiv in der episodenhaften Gestaltung von Dr. Rašid in „parhez“, das für die Struktur der Erzählung nicht maßgebend ist. M. Taraki verwendet aber das politische Motiv in seiner Erzählung „de bang musafari“ (Die Reise des Bang), Kabul, 1952, sehr intensiv.

Die Erzählung ist ein Stück, das zur kritischen Betrachtung der Zeitverhältnisse dienen soll. Bang, ein Bauer, verläßt sein Dorf und macht sich auf die Suche nach Arbeit. Er kommt in die Großstadt und findet sie nach langem Suchen in einer Fabrik. Dort macht er sich mit den Lebens- und Arbeitsbedingungen der Arbeiter vertraut, lernt lesen und nimmt an Gesprächen zwischen Arbeitern und an Streiks teil. Aus ihm wird am Ende der Erzählung ein bewußter Kämpfer für die Rechte seiner Klasse, und er schließt sich der Arbeiterpartei an.

Die Lebensgeschichte von Bang, der seinen Lebensunterhalt mühsam erwerben muß, zeigt insgesamt eine Entwicklung auf, die in politischer Hinsicht auf ein bestimmtes Ziel hinausläuft, womit zugleich das ideologische und politische Anliegen des Autors verbunden ist. Die literarische Gestaltung des Lebens von Bang soll die wechselhaften sozialen und ökonomischen Bedingungen der afghanischen Gesellschaft beleuchten. Der Erzählvorgang ist aber nur eine lockere Darstellung einzelner Lebenssituationen des Helden. Was die Gestaltung des Kernmotivs anbetrifft, und was uns hier

interessiert, erfährt die Erzählung in der Schlußphase eine gewisse Steigerung der Intensität.

Der Autor verbindet das Motiv des Kampfes für die eigenen Rechte gegen soziale und ökonomische Ungleichheiten mit einer bestimmten Figurenkonzeption. Bang, die Hauptfigur und Träger des genannten Motivs, stellt die Figurenkonzeption des entwicklungsfähigen Menschen dar. Dieser Konzeption liegt die Auffassung zugrunde, daß sich das Individuum erst in der gemeinsamen Arbeit mit anderen entfalten kann. Der Autor legt hier viel Wert auf Bangs Arbeit in der Fabrik, seine gesellschaftlichen Aktivitäten und seine Eindrücke vom Leben in der Stadt, (S. 77 – 100). Hierin läßt sich ebenfalls die ideologische Tendenz des Autors bei der Anlage des Motivs erkennen. Bang ist der Typ des arbeitenden Menschen und eine repräsentative Figur der werktätigen Massen.

Das Kernmotiv der Erzählung, das Motiv des Kampfes um grundlegende Veränderungen im sozial-ökonomischen Bereich ist später, wenn die Verhaltensweise der Hauptfigur dargelegt wird und eine neue Kombination des Motivs mit neuen Figuren und Situationen auftaucht, eindeutig erkennbar. Zur Konkretisierung des neuen Erfahrungsgehaltes der Hauptfigur, Bang, und zur Ausformung seines Motivs bedient sich der Autor im Endteil seiner Erzählung eines anderen Stoffes. In der veränderten stofflichen Grundlage (Fabrik, Streik, Gefängnis usw.), die eigentlich eine neue thematische Variante darstellt, läßt sich das Kernmotiv des politischen Kampfes verwirklichen. Das Motiv gewinnt eine andere Struktur, wenn es mit Elementen und Figuren wie "... säheb" (Der Herr ...), "ğat ma'mur" (Der hohe Beamte), "mirza" (Der Buchhalter) "xalifa mirğan"

(Meister mirġan) usw. in Berührung kommt, ohne daß sich seine grundlegende Funktion ändert. An diesem Umstand ist die Motiventwicklung in der Erzählung "de Bang musafari" abzulesen. Diese Erscheinung des Motivwachstums kann zugleich als eine Perspektiverweiterung gedeutet werden, und weist daraufhin, daß die sozialen und ökonomischen neuen Bedingungen dem Motiv neue Impulse und neue Aspekte gegeben haben. Diese Erscheinung der Motivgestaltung in "de Bang musafari" äußert sich folgendermaßen: Als Bang sein Dorf verläßt und auf der Suche nach Arbeit in die Stadt geht, nimmt sein Schicksal einen anderen Lauf. Die Erlebnisse und Erfahrungen mit Nomaden, Händlern, die Suche nach Arbeit in der Stadt und schließlich seine Teilnahme an Streiks und politischen Aktivitäten mit anderen Arbeitern in der Fabrik macht aus Bang einen politisch bewußten Kämpfer. Sinn und Absicht der Erzählung besteht, da der Autor sehr von politischen und sozialen Gedanken bewegt ist, auch darin, Kritik an den Verhältnissen seiner Zeit herauszufördern:

"Bang begann schon nach kürzerer Zeit in der Parteiarbeit eine wichtige Rolle zu spielen und war ein aktives und effektives Mitglied der Arbeiterpartei geworden. Er wurde einige Male ins Gefängnis geworfen. Aber jedes Mal Gefängnis hatte seinen Entschluß nur noch weiter bekräftigt." (S. 149-150)

Unter Rückgriff auf literarische Konstante wie "xān", "malek", "... sāheb", "nāzīr" (der Verwalter), Figuren, die Kritik auslösen und "mazdōr" (Lohnarbeiter), "witwe", "bāši" (Vorarbeiter) usw. stellt Taraki ein Netz von Beziehungen im Text her. Diese Beziehungen, die die Motivausformung beinhalten, veranschaulichen die thematische Organisation der

Erzählung und helfen dem Leser, die darin enthaltenen ideellen Sachverhalte wahrzunehmen und zu verarbeiten. Der Autor kontrastiert ferner die einander gegenübergestellten Figuren: "Das blasse Gesicht, die stumpfen Augen und die magere Gestalt von Bang" und "der kräftige und dicke Mann mit rundem Bauch" (der Stellvertreter der Fabrik) sollen von ihren jeweiligen Eigenschaften Eindrücke vermitteln. Dieser Vorgang der Erzählung führt wiederum zu ihrer Schematisierung. Neben dem Kernmotiv finden sich in der Erzählung auch Neben motive, sowie das Motiv des in der Sozialstruktur begründeten Gehorsams und Untertanentums, welches in der Literatur des Pašto mehrfach wiederkehrt. Taraki ordnet dieses Nebenmotiv ebenfalls den literarischen Konstanten unter. D. h., daß die konstanten Charaktere wie "malik", "Hāgi Aḡā" (Hāgi), "sawdāgar" (der Händler), "Xān" usw. in ihren Rollen auftreten und das sozial Böse verkörpern (S. 36–54). Der Autor motiviert den Gehorsam in der Sozialstruktur durch traditionelle und politische Organisationsformen z. B. durch "ḡirga" (Großversammlung)[†], die durch ihre Entscheidungen die sozialen Verhältnisse maßgeblich prägt (S. 36–54). Dem Nebenmotiv kann insoweit eine Nebenbedeutung zugewiesen werden, als es die Struktur des Gesamttextes nicht wesentlich beeinflußt, sondern die Handlungen der Nebenfiguren wie "Xān", "Hāgi Aḡā" usw. auslöst und fördert.

Außerdem gestaltet der Autor in seiner Erzählung das Randmotiv des "badals" (Blutrache). Es handelt sich hier um das Racheproblem zwischen den Angehörigen zweier

[†] - siehe dazu ausführlich: HEKMATI; 1362 (1984), S. 176–182.

Stämme.^۳ Das Motiv ist in der epischen Struktur eine Randerscheinung, welche keine strukturbildende Funktion erfüllt. Eine Gruppe von "Banditen" wartet in einem Gebirge auf ihren Feind, Gul Xān, der eine junge Witwe ihrer Familie verführt und einen Blutsverwandten der Banditengruppe getötet haben soll. Diese verpflichtet sich, den Mord zu rächen. Der daraus entstandene Konflikt, dessen Lösung aber nicht angeführt wird, beeinflusst in keiner Weise das Gesamtgefüge der Erzählung. Als ein Randmotiv wird das Rachemotiv im weiteren Verlauf der Handlungen bis zur völligen Bedeutungslosigkeit verdrängt. Weitere Beispiele dieses Motivkomplexes finden wir in folgenden Geschichten:

Habibullah Zraswand: "zwani margi asre" (Enttäuschte Klagen)^۴, Amin Afgānpur: "dwa malgari" (Zwei Freunde)^۵, M. Ebrahim 'Ataie: "sra" (Anlaß)^۶, M. Zaher Ufuq: "de sarak per qara" (Auf der Straße)^۷, Ġulām Muhayuddin Zarmalwal: "alwate zera" (das blasse Gesicht)^۸, M. Momen Patwal: "lewanei" (Der Verrückte)^۹, M. Arsalan Salimi: "gaura dōdei" (Üppige Mahlzeit)^{۱۰}, Dust: "de kundi zoi" (Der Sohn einer Witwe)^{۱۱}, Ihsanullah Her: "marmarini dabari" (Die

^۳ - Siehe hierzu: a. a. O., S. 161–164 und STEUL, 1981, S. 153–161.

^۴ - In: Kabul, 1356 (1977), Nr. 2/683 und 3/684, S. 109–114 und S. 113–119.

^۵ - In: Kabul, 1355 (1976), Nr. 8/677, S. 106–113.

^۶ - BENAUA, 1341 (1962), S. 1141–1145.

^۷ - BENAUA, 1341 (1962), S. 1200–1202.

^۸ - In: BENAUA, 1341 (1962), S. 1464–1466.

^۹ - In: Kabul, 1346 (1967), Nr. 4/573, S. 53–61.

^{۱۰} - In: Kabul, 1344 (1965), Nr. 10/555, S. 40–44.

^{۱۱} - In: Kabul, 1353 (1974), Nr. 9/655, S. 62–74.

Kulturelle und politische Motive _____

Murmursteine)¹², "zorawar xalak" (Die Mächtigen)¹³, "de pesarli špe" (Die Frühlingsnächte)¹⁴, Bawar: "nur gul au mula sāheb" (Nur gul und der Mullah)¹⁵, Xer M. Šinwarei: "de ġam špe" (Traurige Nächte) usw.

¹² - In: Kabul, 1345 (1966), Nr. 2/559 u. 3/560, S. 51–71 und 57–82.

¹³ - In: Kabul, 1347 (1968), Nr. 3/584, S. 55–70.

¹⁴ - In: Kabul, 1352 (1973), Nr. 7/644, S. 50–58.

¹⁵ - In: Kabul, 1344 (1966), Nr. 12/557, S. 57–67.

Автор статьи: Профессор Абдулрахим Бахтани

**Исследования Афганских и
зарубежных
ученых о «Гульшан-и Афган»
(рукопись Статьи и стихи Али Акбара
Оракзая)**

Краткое описание: «Гульшан-и Афган» (рукопись Статьи и стихи Али Акбара Оракзая) хранится в Музее рукописей Армении (Матинадаран). В первые эта рукопись была обнаружена в 1964 году исследователем Абдулла Бахтани Хидматгаром, который затем написал статью о ней. С тех пор многие Афганских и зарубежные ученые написали и исследовали Об этой рукописи. В данной статье представлена информация об исследованиях проведенных по теме «Гульшан-и Афган» с 1964 года по настоящее время (2025 год).

Введение: «Гульшан-и Афган» (рукопись Статьи и стихи Али Акбара Оракзая) была обнаружена в Музее рукописей Матинадарана в Армении в 1954 году. Эта рукопись до сих пор не опубликована, но Афганские и зарубежные ученые изучили и исследовали ее содержание, историческую и культурную ценность. В данной статье представлена информация о каждом из Афганских и зарубежных ученых, проводивших исследования по теме «Гульшан-и Афган», в хронологическом порядке с 1963 года по настоящее время (2025 год).

Значение и важность исследования: Значение и важность данного исследования заключается в том, что «Гульшан-и Афган» (рукопись Статьи и стихи Али Акбара Оракзая) единственная в мире рукопись, созданная в XVIII веке. Политическая, историческая,

географическая, культурная и литературная ценность этой рукописи должна быть объяснена и описана.

Цель исследования: Целью исследования является выявление рукописи Гульшана Афгана, ознакомление читателей с ее содержанием и изучение исторической, литературной и культурной ценности.

Вопросы исследования:

1. К какому типу исторических и литературных произведений относится «Гульшан-и Афган» (рукопись Статьи и стихи Али Акбара Оракзая)?
2. Кто является автором этой рукописи и о каких темах она написана?
3. Какова её социальная, историческая, литературная и культурная ценность?

Метод исследования: В данном исследовании использовался аналитический и описательный метод.

Начало научных исследований «Гульшан-и Афган» (рукопись Статьи и стихи Али Акбара Оракзая): Практическая работа по идентификации Али Акбара Оракзая и его Сборник произведений началась в 1964 году. Владимир Васильевич Кошев В своей книге «(Гульшан-и Афган) Сборник произведений афганского поэта XVIII века Али Акбара Оракзая» в разделе посвященном началу научных исследований Сборник произведений Али Акбара Оракзая и его рукописи упоминает:

«В Арабо-персидском архиве Матинадаре под номером 538 хранится рукопись сборника произведений поэта Али Акбара Оракзая на пушту и персидском языках. Первым иранским ученым ознакомившимся с этой рукописью был профессор Д. Н. Маккензи. Весной 1963 года он посетил В Матинадаране и получил микрофильм этой рукописи

для Британского музея. Первые научные и исследовательские работы над рукописью Статьи и стихи Али Акбара Оракзая начались в 1964 году, когда афганский Исследователь и поэт Абдулла Бахтани Хидматгар опубликовал в журнале «Кабул» статью, содержащую краткое описание рукописи и текст нескольких стихотворений на пушту» (1) .

Упомянутая выше статья исследователя Абдуллы Бахтани Хидматгара о (Гульшан -и Афган) напечатанный в журнале Кабул в сентябре 1964 года под заголовком «Али Акбар Оракзай и его Рукопись произведений (Гульшан-и Афган)». Данная статья является первой научной исследовательской работой, посвященной произведения Али Акбара Оракзая. В своей статье об обнаружении и приобретении произведений Али Акбара Оракзая Абдулла Бахтани Хидматгар писал:

«22 июля 1964 года мы (выпускники курса подготовки учителей русского языка Московского государственного университета имени Ломоносова) находились в столице Армении в Ереване. В этот день друзья отправились в музей, а я болел и отдыхал. Когда мои друзья вернулись, наш учитель и руководитель группы с большим сожалением сказали мне: «Бахтания! Тебя сегодня не было, а мы видели в музее старинную рукопись пуштунской поэзии». Мой друг Мотамед Шинвари процитировал несколько стихотворений со страницы этой книги, которая была выставлена на всеобщее обозрение. Эта книга была помещена туда среди рукописей на арабском и персидском языках, и ее представили так, как будто это был сборник стихов арабского поэта. Об этом

упомянули за ужином. Я сказал: «Я должен пойти в этот музей утром и посмотреть эту книгу» (2).

В следующем разделе статьи представлена информация об авторе рукописи, тексте рукописи и других особенностях. В предисловии к «Гульшан-и Афган» поэт рассказывает о своем происхождении и родословной следующим образом:

«Меня зовут Али Акбар ибн Касим Хан Оракзай, я Афган по национальности, житель Тиры Хайбера. Эти стихи на пушту поэт написал в молодости. Его стихи очень простые, плавные и легко понятные. Большинство его стихотворений написаны в метре и стиле, характерных для стихов Рахмана Баба. У него также есть газели, тарджии, касиды и рубай, написанные в других размерах. В книге нет нумерации страниц. В конце стихотворений он упоминает свое сокращенное имя (Акбар). Некоторые страницы и страницы в середине книги пустые. Кажется, что книга была написана самим поэтом» (3). Рукопись Али Акбара Оракзая содержит стихи и прозу поэта на пушту и персидском языках. Помимо стихов и прозы Али Акбара, в указанном Рукописи также содержатся стихи некоторых других поэтов. В другой части статьи упоминается следующее:

«Перед стихами на пушту идут стихи персидских поэтов, а после стихов на пушту стихотворение Рахмана Баба. Затем есть еще одно персидское стихотворение поэта по имени (Шах Шахан), воспевающее (Хазрата Шаха Накшбанда). Затем следует еще один трактат по персидской поэзии под названием (Насб-е-Нама Шах Накшбанд), за которым следуют анекдоты на персидском языке о правителе

времен поэта, его собственных путешествиях, друзьях и врагах. Все это собственные произведения Али Акбара Оракзая, написанные уникальным шрифтом. Его стихи на пушту имеют предисловие на персидском языке. Я процитировал это предисловие, которое ясно показывает литературное мастерство поэта в персидской прозе, глубину его знаний, а также его мысли и взгляды на поэзию и язык пушту» (4).

В 1964 году в Кабул прибыла микрофильм рукописи Али Акбара Оракзая. исследователь Абдулла Бахтани Хидматгар упомянул об этом в своей книге:

«23 ноября 1964 года, когда я ознакомился с этой рукописью, я понял, что это сборник стихов на пушту, написанных известным пуштунским поэтом, а также стихов и прозы, написанных им на персидском языке. Поэтому я делал заметки с утра до вечера, а затем приехал в Кабул и написал об этом статью. Она была опубликована в сентябрьско-октябрьском номере журнала «Кабул» в том же году. По моей просьбе в Кабул доставили микрофильм рукописи. Абдул Хай Хабиби увидел его и написал о нем статью, которая была опубликована в журнале (Ваджма)»(5).

Из приведенных выше статей становится ясно, что исследователь Абдулла Бахтани Хидматгар был первым, кто написал статью о «Гульшан-и Афган» (рукописи Али Акбара Оракзая), и его статья была опубликована в журнале «Кабул». Пять лет спустя, в 1969 году Абдул Хай Хабиби написал статью о (Гульшан-и Афган) (рукописи Али Акбара Оракзая) под заголовком (Рукопись Али Акбара Оракзая или

Гульшан-и Афган), которая была опубликована в журнале «Ваджма». В своей статье Абдул Хай Хабиби упомянул автора и рукопись «Гульшан-и Афган»:

«В музее Матинадарана в Ереване столице Республики Армения, хранится очень красивая рукопись, которая в этом музее имеет (538) номер». Я не знаю, как эта рукопись попала из Афганистана и Кашмира в Армению. Микрофильм этой рукописи хранится в Кабульской библиотеке. Рукопись написана прекрасным шрифтом насталик и содержит несколько иллюстрированных страниц. Стиль иллюстраций — кашмирский, но красота, цвет и образность не очень хорошо переданы на микрофильме, и рукопись лишь кажется красивой и хорошо написанной. Али Акбар из племени пуштун Оракзай, проживающего в регионах Тирах и Куррам. Али Акбар Оракзай покинул этот регион и отправился в Индию В 1165 году хиджры и 1751 году. Он посетив большинство городов Индии. Его обязанности в основном заключались в военной службе. Он также был хорошим поэтом и писателем на пушту и персидском языке (6).

Абдул Хай Хабиби изучал стихи Али Акбара Оракзая. Он писал о путешествии Али Акбара Оракзая в Индию а также об историческом значении стихов Али Акбара Оракзая:

«Из стихов Али Акбара ясно, что он находился в Кашмире во времена Ахмад-шаха. Нуруддин Хан (Популзи) В 1751 году был назначен губернатором Кашмира во время правления Ахмад Шаха. В 1772 году Каримдад Хан Попалзи Сын Кандад Хана были

назначены губернаторами Кашмира. Али Акбар упоминает в своих стихах, что этот Каримдад-хан противостоял мне. Многие события описаны в стихах и произведениях Акбара на пушту и фарси. Стихи на пушту написаны поэтом среднего уровня» (7).

В 1972 году Шаркия Касимова написала статью на персидском языке о рукописи (Гульшан-иАфган). Статья называется «История рукописи». Она была опубликована в 1972 году в журнале «Ахбар», а позже опубликована в газете «Карван». В начале статьи Шаркия Касимова пишет о литературно-историческом значении рукописи «Гульшан-и Афган», а затем о деятельности Владимира Кошева по популяризации этой рукописи:

«До начала XX века ученые по всему миру идентифицировали лишь ограниченное количество рукописей на языке пушту. Таким образом, рукописи на языке пушту представляют собой ценную часть сокровищницы знаний и культуры афганского народа. Рукопись (Гульшан Афган) также изучалась и исследовалась талантливым российским востоковедом Владимиром Кошевым. Несколько лет назад, когда Владимир Кошев находился в Афганистане, Афганский писатель Абдулла Бахтани Хидматгар рассказал российскому ученому, что среди рукописей в музее Матинадарана в Армении сохранилась замечательная Афганская рукопись, включающая два тома поэзии, и предложил Кошеву изучить упомянутые собрания. После года интенсивных и тщательных исследований перевернута еще одна страница в истории Афганской культуры. Как говорит Владимир Кошев, Афганская

рукопись, хранящаяся в Матинадаране, является единственной в мире рукописью. Автор этого произведения был неизвестен своему народу почти два столетия » (8) .

В конце статьи Шаркия Касимова пишет о рубайятах и касидах «Гульшан-и Афган», и особенно о фантастическом касиде Али Акбара Оракзая:

«(Гульшан-и Афган) состоит из газелей, стихов и рубайи и не упорядочен по алфавиту, как это обычно бывает в Сборник стихов. Большинство страниц этого сборника пустые. На полях страниц указаны различные типы стихов и термины, используемые автором. Всё это указывает на то, что данная рукопись была написана самим поэтом. Все восемь касиды «Гульшан-и Афган» посвящены биографии автора. Восьмая касида, которая считается самой длинной и посвящена событиям, в которых сам автор принимал участие, является наиболее интересной. Автор провел несколько лет в Кашмире и поддерживал связи со многими высокопоставленными лицами. Как видно из его стихов, он посвящал их, в частности себе. В результате многочисленных интриг поэт был вынужден покинуть Кашмир и долгое время провел в изгнании и нищете. Третья и шестая касиды отражают чувства поэта в годы изгнания. Он рассказывает историю жестокости Каримдада Хана и даже его несправедливости по отношению к друзьям и родственникам. В четвертой касиде поэт, находящийся в изгнании, обращается к ветру и направляет его в путь к своей любимой родине. В этой касиде поэт упоминает множество городов, в

которых он жил, а также многих своих родственников и знакомых. Он мысленно пытается пройти по всем городам и встретиться с Амиром Хасаном, Ахмадом Джаном и Нуруллой» (9).

Спустя шесть лет после публикации статьи Шаркии Касимовой, в 1978 году, Абдулла Бахтани Хидматгар опубликовал статью о биографии Али Акбара Оракзая. Эта статья содержит информацию о Сборник стихов Али Акбара Оракзая и его биографии, отрывок из которой я привожу:

«Али Акбар, сын Касима, Племя Оракзая, житель Хайбера, был современником Ахмад-шаха Бабы. Он был знаком с некоторыми лидерами его двора, такими как (Вазир-шах Вали-хан) и (Хаджи Каримдад-хан), и сотрудничал с ним в государственных и военных делах. Али Акбар был добрым и щедрым человеком. Он был поэтом, каллиграфом и художником, писавшим на прекрасных языках пушту и дари. Мы знаем Али Акбара по его сборнику стихов. Этот сборник хранится в Музее рукописей Матинадаран в Ереване. В этой книге поэт представился как Али Акбар ибн Касим Хан Оракзай, житель Тера-Хайбера. По этим причинам я считаю, что книга, должно быть, написана самим автором. Это мнение подтвердил и Кошев. Книга также содержит миниатюры и согласно исследованиям Кошева, миниатюры также выполнены автором.»

Книга состоит из двух частей: сборника пуштунской и персидской поэзии, каждая из которых снабжена предисловием на персидском языке. Пуштунская часть включает газели, элегические стихи, касиды и рубаи, а третья часть содержит формы маснави и

касиды, затрагивающие социальные, моральные, мистические, романтические и эпические темы. Дата написания и составления книги неизвестна, но в одном из своих стихотворений поэт пишет о себе, что родился во времена Надир-шаха (10).

В 1986 году Залмай Хевадмал совершил поездку в Россию. Во время поездки он изучал рукопись «Гульшан-и Афган» с помощью Владимира Кошева, а затем написал ряд статей, которые я кратко напоминаю вам:

Залмай Хевадмал также написал ряд исследовательских статей о «Гульшан-и Афгане» и его авторе. В 1986 году он рецензировал рукописи Института востоковедения в Санкт-Петербурге. В этой связи, с помощью Владимира Кошева научного сотрудника института, он просмотрел фотокопию «Гульшана-и Афгана» и заметки Кошева и написал следующее статей:

- 1 - Иллюстрированное издание «Гульшан-и Афган».
- 2 - Избранные стихотворения Али Акбара с русским переводом.
- 3 - Стихотворение Али Акбара о Хушал-хане Хатаке..
- 4 - «Гульшан-и Афган» (11).

Кроме того, в своей книге «Этапы создания и развития языка пушту в Индии - третье издание» исследователь Залмай Хевадмал написал о биографии Али Акбара Оракзая и различных аспектах афганской рукописи Гульшан с 373 по 380 страницу, некоторые важные фрагменты которой я привожу здесь:

«Али Акбар Оаракзи, поэт который часть своей жизни провел в Индии и его жизнь и творчество неразрывно связаны с этими землями. До 1964 года

Афганские и зарубежные исследователи пуштунской литературы не были знакомы с этим поэтом. Среди его работ — сборник его стихов на пушту, который начинается с Введение. Введение написано на персидском языке. После введения приводятся его стихи на пушту, включая касыды, газели, рубаи и другие поэтические жанры. К его персидским произведениям также относятся касыды, газели и рубаи. Этот сборник его работ иллюстрирован. Картины, миниатюры и другие произведения, как известно относятся к кашмирскому стилю. Изображения в этой рукописи связаны с жизнью и деятельностью поэта. У нас нет информации о последних годах его жизни и мы не знаем провел ли он свои последние дни в Индии или Афганистане» (12).

Российский востоковед Владимир Кошев написал статью под названием «О Странствиях Афганского Поэта Али Акбара Оракзая Во Владениях Империи Дуррани». Эта статья была опубликована на русском языке в журнале «Страны и народы Востока» в 1989 году. В этой статье Кошев исследовал биографию Али Акбара Оракзая, его повседневную жизнь и различные темы, затронутые в рукописи «Гульшан Афган». В начале статьи он написал о биографии Али Акбара Оракзая и рукописи «Гульшан Афган»:

«Творчество Али-Акбара, это не просто художественные произведения, свидетельствующие о том, что их автор был одаренным литератором, а также каллиграфом и художником, написавшим свою книгу хорошим насталиком и иллюстрировавшим ее миниатюрами. Почти все им написанное представляет

собой также любопытный и своеобразный источник, богатый автобиографическим материалом, данными об исторических лицах периода управления династии Дуррани, которых Али-Акбар знал, упоминаниями разных мест, где он бывал и через которые проезжал.

Он много путешествовал, участвовал в военных походах и сражениях, служил в канцелярии наместника на востоке империи, и некоторые события его жизни нашли отражение на листах Афганского сборника «Гулшан-и афгани» и персидского сборника.

В стихах Али-Акбара содержатся десятки топонимов, причем наряду с хорошо известными пунктами и местностями он называет и почти забытые в наше время наименования областей и селений. Круг упоминаемых Али-Акбаром географических названий относится к обширной территории от Хайбера на западе до Лакхнау на юго-востоке, но большая их часть связана с родиной поэта долиной нижнего течения р. Кабул, особенно с его правобережьем.

Так, в предисловиях к обеим частям Али-Акбар сообщает о том, что он происходит из племени оракзаев и был «жителем хайберского Тираха», долгое время находился при дворе наместника в Кашмире, воевал там же и в более западных районах Камрадж и Пакхли, жил в изгнании в Лакхнау, писал свои стихи в Пешаваре.

В касыдах и других произведениях перечислены места, по которым пролегал его путь, селения, где жили его наставники и собратья по суфийскому ордену, родственники и друзья. Среди тех, кого он встречал, не только государственные деятели,

придворные, уважаемые суфийские шейхи, но и люди, чьи имена неизвестны по другим источникам. Таким образом, сборники Али-Акбара, имеющие немаловажное значение для истории афганской литературы, вызывают интерес к сведениям исторического и историко-географического содержания. И если в нашей статье «К биографии Али-Акбара Оракзая — афганского поэта XVIII века» была сделана попытка выявить факты жизни и деятельности его как поэта, художника, политика на основании информации, содержащейся в его собственных произведениях, то здесь нам хотелось бы идентифицировать местности, где он бывал, и тех лиц, которые его окружали» (13).

Пуштунский касид Али Акбара Оракзая в Гюльшан-и Афгане имеет особое историческое и географическое значение. Владимир Кошев в своей статье подробно описал воображаемое путешествие Али Акбара Оракзая, некоторые фрагменты которой я привожу здесь:

«Богаче всего географическим и историческим материалом афганские касыды Али-Акбара, и особенно две из них. В одной он отправляется в долгое воображаемое путешествие по знакомым дорогам, в другой рассказывает о самом важном, что с ним случилось. Лучшими годами своей жизни он считает первое пребывание в Кашмире, когда правителем там был Нур ад-дин. («Несколько лет я пробыл в Кашмире, наместником был здесь Нур ад-дин-хан. Судьбою даны мне были в удел свидания с большими людьми.

Али-Акбар в своих мечтах «едет» через многие города и деревни, останавливается в них, чтобы

посетить почитаемых им людей, друзей и знакомых, минует реки и горные перевалы. Ро-хилканд остался позади, и поэт видит себя в Пенджабе: «Остановись, приблизившись к Сирхинду, привет мой передай Муиз-заллаху». При Акбар-шахе Сирхинд являлся округом, входившим в провинцию Дели и включавшим в себя многие города, в том числе такие крупные, как Амбала, Лудхиана, Батинда, Ма-лер, Сана, на западе примыкал к Лахору и Мультану .

В Пенджабе поброди' по всем домам знакомым и, перейдя Джелам, к Рохтасу направляйся». Река Джелам, приток Чина-ба, притока Инда, и прилегающие горы представляют собой естественный рубеж, в связи с чем здесь нередко проходили границы различных владений, например Ахеменидской империи, строились укрепления. На правом берегу реки — город с тем же названием. Большая и мощная крепость Рохтас (у Али-Акба-ра — Ротас) была построена по указанию Шер-шаха в 1542 г., после победы над Хумаюном, чтобы сдерживать его сторонников гакхаров, и получила то же название, что и более древняя крепость в Бихаре.

Когда достигнешь ты Хасан-Абдала, с почтением всем низко поклонись, — просит Али-Акбар, — и погуляй в садах и цветниках среди благоуханья свежих роз». В Хасан-Абдале на вершине холма возле большого сада находится мраморная гробница святого, чье имя дало название селению, Хасан-Абдал происходил из Кандагара, где был известен как Баба Вали . Потом «иди к Аттоку, поклонись там Миан-Иахйё». Али Акбар, видимо, весьма почитал этого святого: «Лети так ко дворцу высоких тайн; приблизившись примерно на фарсанг, с глубоким

уважением приветствуй; спокойно, отрешившись от всего, у усыпальницы его прочти молитву...» Атток расположен у впадения р. Кабул в Инд. 20 марта 1581 г. император Акбар, возвращаясь из Кабула в Дели, переправился здесь через Инд и приказал построить крепость из камня и извести, которая контролировала бы эту часть его владений. Сооружение форта было завершено в 1586 г. Афганцы произносят это название «Атак», что значит «преграда, препятствие; запрет». Крепость якобы препятствовала переправе индийцев через реку» (14).

Владимир Васильевич Кошев, научный сотрудник Санкт-Петербургского института востоковедения Российской академии наук, написал докторскую диссертацию на русском языке под названием «(Гульшан-и Афган) Сборник произведений афганского поэта XVIII века Али Акбара Оракзая». Книга была опубликована в 2003 году. В своей книге «Гульшан-и Афган» Кошев исследовал следующие темы:

Особенности рукописи: Журнал, бумага, оформление, заметки, исследование содержания рукописи, посвященной пуштунской и персидской поэзии и прозе (Гульшан Афган), биографии, литературе, суфизму, политике и военным деяниям Али Акбара Оракзая. Исследование и информация о воображаемом путешествии Али Акбара Оракзая по шоссе, некоторые особенности языка Али Акбара, информация о миниатюрах и картинах, а также переводы следующих трех касид на русский язык:

1. О Надир-шаху и Ахмад-шаху.
2. О родным местам, друзьям и знакомым.
3. О автобиографии.

Владимир Кошев пишет о типографских материалах,
бумаге и оформлении рукописного издания
«Гульшан-и Афган»:

«Переплет рукописи выполнен из плотного многослойного картона, обтянутого черной кожей, которая сильно потерта и приобрела бурый цвет. Переплет был, видимо, подмочен, и после высыхания кожа потрескалась, углы обкрошились. Внутренняя сторона переплета оклеена коричневатой-красной кожей. Обе крышки отделены от корешка и переставлены, при этом верхний край оказался внизу; соответственно, неверно наклеен шифр рукописи. В тех местах, где кожа отклеилась и скололась, на картоне переплета видны несколько букв, написанных почерком, похожим на почерк в тексте рукописи. Переплет выполнен мастером по имени Баха ад-дин Пишавари, о чем свидетельствует надпись вытисненная четырежды в верхней и нижней частях крышек переплета.

Размер переплета — 173 × 287 мм. Его тиснение состоит из наружной (в 2—3 мм от края) рамки из двух линий общей шириной 4—5 мм, рамки шириной 4 мм, образованной маленькими овалами, расположенными под углом 45 градусов, полосы шириной 10—12 мм с растительным орнаментом внутри, рамки (3—4 мм) из тонкой и толстой линий и внутреннего поля (123 × 246 мм) с растительным орнаментом, повторенным в большом числе горизонтально вытянутых медальонов, расположенных в шахматном порядке. В размеры внутреннего поля входят две горизонтальные полосы шириной 15 мм в верхней и нижней части поля. В

середине каждой полосы, в рамке длиной 62 мм, находится уже упомянутая надпись, содержащая имя переплетчика » (15).

В своей книге Владимир Кошев исследовал пуштунскую часть рукописи Али Акбара Оракзая («Гульшан Афган»), некоторые результаты которого я представляю здесь:

«Афганская часть сборника «Гульшан-и афган» уже некоторыми своими внешними признаками производит впечатление автографа: многие газели не завершены, иногда перед следующими за ними стихотворениями оставлено место только для макта⁴, иногда оставлены несколько строк. Порой оставлен пустым верх страницы либо на ней вписаны лишь один-два бейта, некоторые страницы вовсе без текста. Часть листов перебита, что можно установить по тексту больших касыд. На полях имеются варианты бейтов и поправки такого характера, какие мог внести только сам автор стихов. Стихотворения не имеют принятого для диванов расположения рифм в алфавитном порядке. Все это согласуется со сказанным в авторском предисловии о том, что сочиненные в юности стихи были записаны на «разрозненных листах», а позднее объединены в сборник, и позволяет утверждать, что рукопись действительно является автографом, но не черновым, а переписанным набело красивым» (16).

Рукопись Али Акбара Оракзая (Гульшан Афган) состоит из двух частей. Одна часть содержит стихи на пушту, а другая — на персидском языке. Кошеф провел углубленное исследование этой темы в своей

книге, некоторые фрагменты которой я представляю здесь:

«Рукопись состоит из двух основных частей — собрания стихотворений на афганском (пашто) языке и собрания стихотворных и прозаических сочинений на персидском языке. Каждому из них предпослано персидское предисловие. В первом из них поэт знакомит читателя с некоторыми моментами своей творческой биографии, с историей появления на свет обоих «диванов», раскрывает свое отношение к поэзии и языку литературы. Афганская часть состоит из газелей суфийского и лирического направления, относящихся к раннему периоду творчества, и более поздних рубай, тарджи‘бандов и пространных касыд, наиболее интересных в источниковедческом плане, поскольку они почти все насыщены историческими и автобиографическими сведениями» (17).

В своей научной работе («Гульшан Афган», написанной афганским поэтом XVIII века Али Акбаром Оракзаем) Владимир Коцев провел углубленное исследование различных аспектов рукописи «Гульшан Афган», что делает это произведение полезным научным трудом по пуштунской литературе, истории и географии. В связи с этим я предлагаю перевести эту книгу на пушту и дари силами научных сотрудников Центра языка и литературы Афганской академии наук или Международного центра изучения пушту.

На основании вышеизложенных исследований мы пришли к выводу, что эта рукопись была обнаружена в Музее Матинадарана в Ереване, Армения, исследователями Абдуллой Бахтани Хидматгаром и Мотамидом Шинвари почти шестьдесят два года

назад, в 1963 году. С тех пор прошло почти 62 года. За этот долгий период было написано множество сочинений, стихов и прозы на темы этой рукописи, но основная работа, а именно печать рукописи, еще не завершена. К счастью, версия этой рукописи на языке пушту была отредактирована и подготовлена к публикации исследователем доктором Абдулом Захиром Шакибом в соответствии с академическими принципами и стандартами, но она еще не опубликована. Редактирование было завершено в 2024 году, и материал был подготовлен к публикации в объеме (160) страниц.

В начале этого Дивана представлено мнение академика доктора Саида Мохиуддина Хашми, директора Международного центра изучения пушту. Я привожу часть его мнения:

«Что касается сборника стихов поэта «Гульшан Афган», то исследователь Абдулла Бахтани Хидматгар видел его шестьдесят лет назад (1963) в музее Матинадарана в Армении. Он сделал заметки по рукописи и написал статью. Эта статья была опубликована в журнале «Кабульский журнал». Затем он написал еще одну статью, которая была опубликована в четвертом томе «Пуштунских поэтов». Позже он также получил микрофильм рукописи и хотел отредактировать его для публикации. Но жизнь не внесла свою лепту, и Абдулла Бахтани Хидматгар скончался. К счастью, доктор Абдул Захир Шакиб, член Международного центра изучения пушту, исполнил желание и стремление Абдуллы Бахтани. Он отредактировал рукопись Али Акбара Оракзая и подготовил ее к публикации.»(18).

Следуя мнению Хашеми, исследователь доктор Абдул Захир Шакиб написал сорокастраничное введение, чтобы объяснить и разъяснить различные темы «Гульшан Афган». Это введение состоит из пяти разделов, которые перечислены ниже:

1. Обнаружение, нахождение и приобретение Дивана.
2. Предыдущие исследования и публикации об Али Акбаре Оракзаи.
3. Жизнь и деятельность Али Акбара Оракзаи.
4. Идентификация единственного экземпляра рукописи «Дивана» Али Акбара Оракзаи.
5. Содержание стихотворений Али Акбара Оракзаи.

В конце введения Абдул Захир Шакиб поблагодарил профессоров и коллег, которые помогли ему в составлении этой книги. В этом разделе я приведу несколько строк из конца введения:

«В конце предисловия я хотел бы отметить, что я приложил все усилия для редактирования рукописи «Али Акбар Оракзай». Если читатели обнаружат какие-либо недостатки в книге или в изложении содержания, пусть простят меня и исправят по своему усмотрению, поскольку люди слабы, и, возможно, я допустил ошибки в этом отношении. Возможно, я допустил ошибки в этом отношении. Аналогичным образом, многие друзья и коллеги оказывали мне научную помощь на различных этапах составления и исследования нынешнего «Дивана Али Акбара Оракзаи», и я хотел бы упомянуть их здесь, в том числе главного исследователя Залмаи Хевада Мала. «Профессору доктору Абдулле Джану Абиду, доктору Мохаммаду Зубайру Хасрату, исследователю Абдулу Рахиму Бахтани, доктору Мохаммаду Али Динахилу, Наджибулле Наилу, исследователю

Азизулле Мубаризу и другим. Я хотел бы выразить особую благодарность за всю их помощь и сотрудничество. Пусть Всемогущий Бог благословит вас всех счастьем и процветанием» (19).

После вступительного слова редактора следует предисловие на фарси, написанное Али Акбаром Оракзаем. Затем приводится перевод этого предисловия на пушту, выполненный исследователем Абдуллой Бахтани Хидматгаром. В этом введении Али Акбар Оракзай, помимо прочего, предоставил информацию о своей жизни и поэзии, некоторые фрагменты которой я привожу здесь:

«Мудрые люди мира знают, что написание научных работ и участие в них — это великое и важное дело. Особенно важно писать и редактировать на пушту, поскольку использование этого языка крайне редко, и при малейшей ошибке писатель становится объектом критики со стороны старших и младших. Особенно тем писателям, которые никогда не занимались искусством письма и не использовали другие языки. Я Али Акбар, сын Касима Хана Оракзая, пуштун по рождению, житель Хайбера, написал несколько стихотворений на языке пушту. Я написал эти стихи на разных страницах»(20).

Во введении к «Гульшан-э-Афган» Али Акбар Оракзай приводит следующую информацию о своих стихах на персидском и пуштунском языках:

«Вопросы поэзии настолько глубоко укоренились в моем сердце, что я написал сборник стихов на персидском языке под названием (Шах Шахан), который включает газели, оды и переводы. Позже я убедился, что все газели, написанные на пушту, бесполезны и заслуживают полного уничтожения.

Потому что в глазах мастеров искусства это не имеет никакой ценности и не приносит никаких плодов, кроме позора. Я хотел собрать и упорядочить их и выбросить эти стихи со страниц, но в тот момент ко мне пришла мудрость и удержала меня от этого. Поэтому, по его повелению, я собрал эти стихи» (21). В конце введения Али Акбар Оракзай обратился к читателям «Гульшан-и Афган» с некоторыми замечаниями, надеждами и предложениями, а также с молитвами о защите «Гульшан-и Афган», а также за читателей и за себя, некоторые фрагменты которых я привожу ниже:

«Надеюсь, что, несмотря на все эти разговоры, читатели не обидятся на увиденную ими бессмыслицу, не будут указывать на неправильные слова и, если смогут, не будут пренебрегать исправлением. Ведь цель письма — обучить грамоте неграмотных и познакомить незнакомых с этим языком. Надеюсь, что читатели, получив от этого удовольствие, помолятся за благополучный конец жизни бедного автора. Боже! Защити этот манускрипт (Гульшан-и Афган) от событий этого мира, и сохрани автору счастье в обоих мирах, и убереги его от врагов! Боже, сохрани веру читающих этот манускрипт и молись за меня.» (22).

Вывод

На основании исследований зарубежных и отечественных ученых и исследователей, а также содержания стихов и прозы «Гульшан Афган» можно сделать вывод, что стихи и проза Али Акбара Оракзая относятся к последним десятилетиям XVIII века. С момента обнаружения и возвращения «Дивана» Али

Акбара Оракзая в 1963 году прошло почти двести лет. В течение этого длительного периода это ценное литературно-историческое произведение было скрыто от глаз писателей и широкой публики. К счастью, эта рукопись была обнаружена в 1963 году, и с тех пор, спустя почти 63 года, многие отечественные и зарубежные ученые писали о ней. К счастью, версия этой рукописи на языке пушту теперь готова к публикации. Я, вместе с другими писателями и любителями этой рукописи, надеюсь, что третья часть этого Дивана будет подготовлена к публикации, и что обе части будут представлены сообществу для изучения и использования писателями и любителями.

Источники

1. В. В. Кушев, «ГУЛШАН-И АФГАН»: сочинение афганского поэта X V III в. 'Али-Акбара Оракзая, Санкт-Петербург, 2023 (с. 7).
- ۲ - بختانی خدمتگار ، عبدالله، علي اکبر اورکزی او د هغه قلمي ديوان (گلشن افغان، کابل مجله، د ۱۳۴۳ هـ ل کال د میزان میاشت / د ۱۹۶۴ ز کال د اکتبر او ستمبر.
- ۳ - پورتنی اثر.
- ۴ - پورتنی اثر.
- ۵ - بختانی خدمتگار ، عبدالله، د خدمتگار یو ادبي موندنه (کشف)، کابل مجله، د ۱۳۸۹ هـ ل کال د سنبلې نهمه،
(۲ مخ).

٦ - حبيبي، عبدالحی، د علي اکبر اورکزی دیوان یا گلشن افغان، وږمه مجله، کابل پوهنتون _ د ادبیاتو او بشري علومو پوهنځی، ٥٤-مه گڼه، ١٣٤٨ هـ ل کال، (٤٦_٥١ مخونه) .

٧- پورتنی اثر، (٤٦_٥١ مخونه) .

٨ - قاسمووا، شرقیه، تاریخچه یک دست خط، روزنامه کاروان، سال پنجم _ شماره ٤٤، اول قوس ١٣٥١ هـ ش-٢٢ نومبر ١٩٧٢ م .

٩- پورتنی اثر .

١٠ - بختانی خدمتگار ، عبدالله، پښتانه شعرا، څلورم ټوک، کابل، پښتو ټولنه، ١٣٥٧ هـ ل کال، (٩٨٧-٩٩٨ مخونه).

١١- بختانی خدمتگار ، عبدالله، د خدمتگار یو ادبي موندنه (کشف)، کابل مجله، د ١٣٨٩ هـ ل کال د سنبلې نهمه، (٥٢-٥٣ مخونه).

١٢ - هېوادم، زلمی، « په هند کې د پښتو ژبې د ایجاد او ودې پړاونه - درېیم چاپ »، د افغانستان علومو اکاډمي، د ژبو او ادبیاتو مرکز، شمشاد مطبعه، ١٣٩٦ هـ ل کال، (٣٧٣-٣٨٠ مخونه).

13 _ В. В. Кушев_О СТРАНСТВИЯХ АФГАНСКОГО ПОЭТА А ЛИ -А КБА РА ОРАКЗАЯ ВО В ЛА Д ЕН И ЯХ ИМ П Е Р И И Д У Р Р А Н И _СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА _ Вып. XXVI _ Москва
Главная редакция восточной литературы _ 1989_ (с. 212_213).

14 _ В. В. Кушев_О СТРАНСТВИЯХ АФГАНСКОГО ПОЭТА А ЛИ -А КБА РА ОРАКЗАЯ ВО В ЛА Д ЕН И ЯХ ИМ П Е Р И И Д У Р Р А Н И _СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА _ Вып. XXVI _ Москва
Главная редакция восточной литературы _ 1989_ (с. 215_218).

15 _ В. В. Кушев, «ГУЛШАН-И АФГАН»: сочинение афганского поэта X V III в. 'Али-Акбара Оракзая, Санкт-Петербург, 2023 (с. 8_9).

١٦- پورتنی ماخذ، (١٦ مخ).

١٧- پورتنی ماخذ، (١٦ مخ).

۱۸ - اورکزی، علي اکبر، گلشن افغان (د علي اکبر اورکزي پښتو ديوان)،
تدوين: څېړنپوه دوکتور عبدالظاهر شکیب، د علومو اکاډمۍ د پښتو څېړنو
بين المللي مرکز، ناچاپ روټين پروژ، ۱۴۰۳ هـ ل کال.

۱۹ - پورتنۍ ماخذ، (۴۳ مخ).

۲۰ - پورتنۍ ماخذ، (۴۷ مخ).

۲۱ - پورتنۍ ماخذ، (۴۸ مخ).

۲۲ - پورتنۍ ماخذ، (۴۸ مخ).

12. **الدكتور زرغون شينواری**، رئيس اتحاد أطباء مديرية هسكه مېنه، عمره 45 سنة، مقابلة عبر الإنترنت بتاريخ 1404/6/5 هـ ش، الساعة 12:48 ظهراً.
13. **شینواری، کلیم**، کاتب خیبر، مطبعة الأدب البشتو - خیبر، مطبعة جدون: بيشاور، 1988م، ص 24-25.
14. **شینواری، کلیم**، کاتب خیبر، مطبعة الأدب البشتو - خیبر، مطبعة جدون: بيشاور، 1988م، ص 29.
15. **مشفق، الباحث محمد شفا**، بحث في البنية الإثنية والمسار الثقافي لمنطقة دير، غير منشور، 1402 هـ ش، ص 214.
16. **محسن، حسن علي**، رابطة أدباء البشتون «پام» - الخدمات العلمية والأدبية لملکنډ، غير منشور، جامعة ملکنډ - قسم البشتو واللغات الشرقية، 2021-2025م، ص 36.
17. **محسن، حسن علي**، رابطة أدباء البشتون «پام» - الخدمات العلمية والأدبية لملکنډ، غير منشور، جامعة ملکنډ - قسم البشتو واللغات الشرقية، 2021-2025م، ص 37.
18. **بابرزى، شفيع الله**، شاعر وكاتب وخريج كلية الزراعة، عمره 64 سنة، مقابلة نهاريه بتاريخ 1404/5/14 هـ ش، الساعة 8:49 دقيقة.
19. **ازمون، لعل پاچا**، شاعر وكاتب ودكتور في الأدب البشتوي، عمره 55 سنة، مقابلة نهاريه عبر الإنترنت بتاريخ 1404/5/18 هـ ش، الساعة 10:30 دقيقة.

4. ظفر كاكاخيل، سيد بهادر شاه، البشتون في ضوء التاريخ، وكالة الكتب الجامعية - سوق خيبر: بيشاور، 1965م، ص 1327.
5. طالبی، الباحث الدكتور عبد اللطيف، القبائل البشتونية، مطبعة داناش للنشر، الطبعة الأولى، 1380هـ ش / 2001م، ص 185.
6. طالبی، الباحث الدكتور عبد اللطيف، القبائل البشتونية، مطبعة داناش للنشر، الطبعة الأولى، 1380هـ ش / 2001م، ص 190.
7. سیال مومند، میرا جان، شجرة قبائل البشتون، وكالة الكتب الجامعية: بيشاور، 1367هـ ش / 1988م، ص 65.
8. شینواری، دوست محمد، البنية الاجتماعية والاقتصادية للبشتون حتى انقلاب ثور، ص 28-29.
9. دلیل مقاطعة دیر السفلی - خیبر بختونخوا، پاکستان، صفحة 40.
10. بإشراف: ملاتړ، الباحث زکریا، قاموس لهجات لغة البشتو، المجلد الأول (ننکرهار، لغمان، کونړ)، أكاديمية العلوم - مركز اللغات والآداب، معهد البشتو، مطبعة حبيب الله حسيب: كابل، 1395هـ ش / 2016م، ص 34.
11. ساپی، شکیب، ابن رامداد خان، خريج كلية الزراعة - جامعة كابل، وتاجر في سوق ماركو، عمره 42 سنة، مقابلة بتاريخ 1404/6/12هـ ش، الساعة 12:17 و 17 دقيقة.

3. جمع وتوثيق الأدب الشعبي: يُعد الأدب الشعبي (لنډی، تپې، الأمثال، والقصص الشعبية) جزءاً أساسياً من الهوية الثقافية لأي قبيلة. ومن أجل حماية تراث شينواري من خطر الاندثار، يُوصى بأن تُشكّل الأكاديمية لجنة متخصصة من الكتاب والباحثين لجمع وتوثيق هذا الأدب، وتحويله إلى مصادر أكاديمية قابلة للدراسة والنشر.
4. تعزيز البحوث المقارنة: يمكن للباحثين المقارنة بين الأدب الشعبي للشينواري وأدب قبائل بشتونية أخرى، بهدف إبراز الخصوصيات الثقافية والفنية، وفهم مدى تأثير التاريخ والجغرافيا على تطور الفنون الشعبية واللغة.

المصادر

1. خيبري، غوث، البشتون في عصور برهما وزرادشت وبوذا والإسلام، الطبعة الأولى، مطبعة دانش للنشر: كابل، 2012م، ص 412.
2. يوسفزي، أباسين، «د سر ټكي» مؤسس بشتونخوا الملك أحمد بابا (مجموعة المقالات)، تحقيق ومراجعة أباسين يوسفزي، زاهد بشير للطباعة: لاهور، الطبعة الأولى، 2016م، ص 21-22.
3. خوشحال خان ختك، كليات، عبدالقيوم زاهد مشواني، جمعية دانش للنشر، الطبعة الثانية، ١٣٨٧هـ ش، ص ٥٦٥.

محمد ربي زخمي شينواري، شفيح الله بابرزي، ولعل باچا ازمون، ويُلقب أمير حمزه شينواري بـ"بابا الغزل".

المقترحات الأكاديمية لدراسة قبيلة شينواري

استناداً إلى نتائج البحث حول قبيلة شينواري، يمكن تقديم المقترحات التالية إلى أكاديمية علوم أفغانستان والجامعات الأفغانية المعنية بالدراسات اللغوية والثقافية:

1. إطلاق مشاريع بحثية مستقلة: يُوصى بتصميم مشاريع وأبحاث متخصصة في مركز اللغات والآداب والمراكز الدولية لدراسات اللغة البشتوية، تتناول الجوانب العرقية، التاريخية، والثقافية لقبيلة شينواري. ويهدف ذلك إلى سد الفراغ البحثي الحالي، إذ لم تُجرَ حتى الآن دراسات شاملة حول حياة القبيلة بمختلف أبعادها.

2. إدراج خطط بحثية في الجامعات: على الجامعات الأفغانية وضع برامج وخطط بحثية متكاملة تتعلق بقبيلة شينواري، وتشمل:

- دراسة الأبعاد العرقية والأنساب، مع التركيز على ارتباط شينواري بقبيلة الكاسيين التي حكمت بابل مدة 576 سنة (من منتصف القرن الثامن عشر قبل الميلاد إلى 1171 ق.م).

- دراسة البعد التاريخي، مثل مشاركة أسلاف شينواري في مواجهة الإسكندر المقدوني في أفغانستان عام 327 ق.م، والمواقع الجغرافية التي لا يزال شينواري يقيمون فيها حتى اليوم.

- البحث في التراث الثقافي واللغوي، بما في ذلك اللهجة، العادات، الأطعمة التقليدية، والأزياء المميزة مثل القلنسوة العالية المصنوعة من ساق القمح.

• عددها التقريبي: أكثر من 20 مجموعة ومشروع غير منشور.

• أمثلة مختارة:

- مجموعة شعرية، أناشيد، فم واحد للضحك (طرائف)
- حياة وفن المولوي خالص (مونوغراف)
- ذكريات الانتخابات، حوارات مع كُتّاب وشخصيات مختلفة
- قرن من الشعر البشتوني (1300-1400 هـ ش)
- كتاب السقوط (لم يُنشر بعد)

النتيجة

تعتبر قبيلة **شينواري** إحدى القبائل المشهورة في مجموعة سربن الاجتماعية للكاسيان، وتستقر في ولايات أفغانستان: ننگرهار، كونر، لغمان، كابول، لوگر، برون، كابيسا، بغلان، قندوز، جوزجان، هرات، وهلمند، وكذلك في باجور إجنسي بمنطقة سور كمر في باكستان، وفي مقاطعات لواهارغي، كوهاط، تشارسده، دير، وفي مدينة كويتا بجنوب البشتونخوا. وهم مالكو أراضيهم ومنازلهم.

في التراث الثقافي لشينواري، هناك:

- القبة المصنوعة من ساق القمح التي لا تزال قبائل شينواري في ننگرهار و لواړگي ترتديها على الرأس.
- الحبوب المخفية في الطعام، وأطعمة شينواري التقليدية.
- خضار هسكة مينة في ننگرهار، وهي نوع من الخضار التي تُجمع في الخريف والربيع، وتُعتبر جزءاً من التراث الثقافي.

أما الشعراء والكتاب من هذه القبيلة، الذين تم بحثهم ودراستهم هنا، فهم: أمير حمزه شينواري، ناظر شينواري، حبيب الله زره سواند شينواري،

• **عددتها التقريبي:** أكثر من 60 عملاً بين مقالات، تحقیقات، تذكاريات، ورسائل ماجستير.

• **أمثلة مختارة:**

- د غازي عجب خان اپريدي ياد → ذكرى الغازي عجب خان اپريدي (جمع مقالات وطباعة)
- د ملنگ جان خوږې نغمې → أنغام ملنگ جان الحلوة (مجموعة شعرية/جمع)
- د مينې بن (ديوان عبدالرزاق پښتون - غير مكتمل) → بستان الحب (ديوان عبدالرزاق پښتون - غير مكتمل)
- پښتو فولكلوري ادبيات (كتاب تدريسي) → الأدب الشعبي البشتوني (كتاب دراسي)
- د افغانستان د فولكلور سرچينې (كتاب تدريسي) → مصادر الفولكلور الأفغاني (كتاب دراسي)

3. **الرحلات (اليوميّات السّفرية)**

• **عددتها التقريبي:** أكثر من 25 رحلة موثّقة داخل أفغانستان وخارجها.

• **أمثلة مختارة:**

- إن لم تُستشهد في ميوند (رحلة قندهار) 1377هـ ش
- الرحلة المقدّسة (رحلة الحج) 1389هـ ش
- من سبّين غرّة إلى البيت الأبيض (رحلة أمريكا) 1389هـ ش
- على طريق الحرير (الرحلة الثانية إلى الصين) 2023م
- إلى البيت الإنكليزي (رحلة إنجلترا) 2023م

4. **الأعمال غير المنشورة**

- بوره ونه - مجموعه شعرية → شجرة الثكلي
- د رنجو غرونه - مجموعه شعرية → جبال الكحل
- دنكريزو پاڼه - عمل نشري → ورقة الحناء

الأعمال غير المنشورة:

- غږ او رڼا سره مزل - مجموعه شعرية → رحلة مع الصوت والضوء
 - زما ژوند غنم غنم - مجموعه شعرية → حياتي قمح قمح
 - وکړښه - مجموعه شعرية → خطّ الفجر (21)
- لعل پاچا أزمون (18):** وُلد لعل پاچا، المعروف بلقب أزمون، في عام 1350هـ شمسية في قرية «وطن خيل» التابعة لمديرية هسكي مينه، ولاية ننغرهار، أفغانستان.

اعماله الأدبية

1. الأعمال المطبوعة

- **عددها التقريبي:** أكثر من 30 كتاباً في الشعر، الرواية، السرد، والمذكرات.

• أمثلة مختارة:

أعمال منشورة:

- پرهرونه دي چې خاندي → الجراحات التي تضحك
- زما لاس (رواية - جائية كورونا) → يدي (رواية - جائية كورونا)
- گوټ ناستی (مجموعه شعرية - شعر كورونا) → جلسته الزاوية (مجموعه شعرية - شعر كورونا)
- د سكوت ښکالو (شعر مقفّی) → جمال الصمت (شعر مقفّی)
- لالهاند لمر (شعر حرّ) → الشمس المتبعة (شعر حرّ)
- پاپلی را واخله (سيرة) → خذ النتائج (سيرة ذاتية)

۲. الأعمال البحثية والمطبوعة (التحقيق والتراث)

5. د رڼا خپره 2025 (وجه النور) 2025
6. د درد په غېږ کې د زخمونو للون (فحص الجراح في حُضن الألم)
- غير المطبوعة :
1. کنډه — الميزان
2. د زرو قدر د زرگر سره وي — قيمة الذهب عند الصائغ
3. تاريخ شينواري في مومند ودير وباجور — تاريخ شينواري في مومند ودير وباجور
4. تاريخي ټپه — اللاندي التاريخية (نوع من الشعر الشفاهي)
5. د بادوان تاريخ — تاريخ بادوان
6. رحلة الحجاز — رحلة الحجاز
7. زما تکل — عزيزمتي
8. وقصص ومجاميع شعرية أخرى.
5. شفيع الله بابرزی (18)
- الميلا د 1340: هـ شمسية، قرية «چهل گزي بابا»، مديرية سپين غر/ننگرهار، من فرع بابر خيل.
- الأدب: تميز شعره بعكس طبيعة سپين غر (الجلب الأبيض: الجبال، الأنهار، الثلوج، الوديان).
- الحياة: هاجر إلى باكستان خلال الحروب الداخلية، واندمج في الوسط الأدبي البشتوني.
- الإسهامات الأدبية :
- الأعمال المنشورة:
- د خېمي سيوری - مجموعة شعرية → ظل الخيمة

- د ماشوم غږ → صوت الطفل (شعر للأطفال)
 - سپينه كوتره → الحمامة البيضاء (قصص قصيرة)
 - تڼاكې → فقعات الكف (شعر)
 - د سيند په غاږه → على ضفاف النهر (شعر)
 - وينې پر گلاب وينې → ترالدما على الورود (شعر)
- أعماله غير المطبوعة:**

- شاتو كې زهر → «سم في العسل» (قصص قصيرة)
- زه چې ماشوم وم → «عندما كنت طفلاً» (قصص للأطفال)
- گل شو پانې پانې → «نفثت الزهرة اوراقا اوراقا» (غزليات ورباعيات)

۴. محمد ربي «زخمي» شينواري

• الميلاد 10: مايو 1960 في قرية «بادوان»، كوز دير، من فرع شبل خيل (15).

- التعليم: أنهى الثانوية في بيشاور ودرس «تعليم القرآن» في لاهور
- الوظائف: محرر مساعد للحسابات العسكرية (1978-1980)، ثم معلم ابتدائي حتى التقاعد (١٦).
- مطبوعاته:

1. شوگير په تورو شپو كې (السهر في الليالي المظلمة)
2. په مات كچكول پتري وهم درېسې (2019) كنتُ أتبعك برفو كشكول مكسور (2019).
3. د جنون د سيند په غاږه (2021) على ضفة نهر الجنون (2021).
4. وَلَوْر (Walwar 2023) قيمة العروس الذي يتقاضاه والدها من العريس

○ منشورات أخرى: رحلة كابول، قصة فيلم ليلي ومجنون، مبادئ كارل ماركس بعين العقل، رسائل حمزه، المسرحيات (13)

٢. لعل زاده ناظر شينواري

• الميلاد والنشأة: ولد عام 1919 في لواږگي/خيبر، وهو ابن أخت حمزه شينواري.
• التعليم الأدبي: تربى على يد حمزه بابا، تعلم الشعر دون مدارس رسمية، وأصبح أستاذاً لجيل الشعراء الجدد.
• الإسهامات الأدبية: كتب الغزل والنظم والنثر والمسرحيات والقصص (14).

• مطبوعاته: الخطوات والمراحل

٣. حبيب الله زړه سواند شينواري

• الميلاد: عام 1321هـ شمسية في قرية «گذاره»، مديرية هسكي مينه/ننغرهار.

• النشاط الأدبي: منذ عام 1339هـ ش كتب المقالات والشعر والقصص في الصحافة الأفغانية.

• مطبوعاته: أعماله المطبوعة:

- لبونى → المجنونه (قصص قصير)
- ننواتي → الشفاعة (ديوان شعر)
- سپينه ډوډى → الخبز الأبيض (ترجمة)
- ارمانونه → الآمال (شعر)
- مرور ماښام → المساء الحزين (شعر)
- د گلانو سپرى → رجل الأزهار (ترجمة)
- شعرونه شوگيرونه → الأشعار والأسفار (قصائد مأخوذة من التراث الشعبي)

• اېرز مؤلفاته:

1. تجليات محمدية — تجليات محمدية
2. نوې چپې — الأمواج الجديدة
3. نوى پښتون — البشتون الجديد
4. ژوند — الحياة
5. د زړه آواز — صوت القلب / نبض القلب
6. يون — الرحلة / المسير
7. غزونې — التثاؤب والتمدد
8. بهير — التيار / السيلان
9. پرېونې — الانفصال / القطع
10. پسرلى په آيينه كې — الربيع في المرأة
11. د غزل په اننگو كې — على حدود الغزل / في وجوه القصيدة الغزلية
12. تسخير د كائنات — تسخير الكون
13. انسان اور زندگى — الإنسان والحياة
14. انا اور علم — الأنا والعلم
15. انساني انا او پوهه — الأنا الإنسانية والمعرفة
16. ژور فکرونه — أفكار عميقة
17. ارمغان حجاز و جاوید نامه — ارمغان الحجاز و جاوید نامه
18. ديوان رحمن بابا — ديوان عبدالرحمان بابا
19. د خيبر وړمې — نسائم خيبر
20. تذكرة الستارية — تذكرة الستارية
21. د حجاز په لور — نحو الحجاز / باتجاه الحجاز (12).

- يعتبر من الأطعمة المميزة التي تميز شينواري عن القبائل الأخرى.

3. كرايي شينواري (الطاجين أو المقلاة): الطبخ الخاص للحم

- مشهور في شرق أفغانستان، بما فيها كابل وبعض الولايات الأخرى.

- يُقدّم في المطاعم وأماكن التنزه، وله محبوبه الكثر.

الأدب والثقافة

إلى جانب التراث المادي، يتمتع شينواري بتراث أدبي غني:

- يمتد أدبهم إلى الشعر والنثر، ويعكس حياتهم الاجتماعية والثقافية.

- يمكن دراسة أعمالهم بالاستناد إلى مصادر مثل (خير أدب) و"خير بنيني" وأقوال الكتاب المحليين.

شعراء شينواري البارزون

1. حمزه شينواري (حمزه بابا)

- الميلاد والنشأة: بدأ الشعر أولاً باللغة أردية، متأثراً بشعراء أردية الكبار مثل ميرزا غالب وعلامة إقبال.

- الأدب البشتوني: يحتل مكانة رفيعة، ويجمع بين الأسلوب الكلاسيكي التقليدي والروح الحديثة. عُرف بـ«بابا غزل البشتو»، وكتب أكثر من 1300 غزل، جُمعت في خمسة مجلدات.

- الإسهامات الأخرى:

- أكثر من 200 مسرحية بُثت عبر إذاعة بيشاور.
- مقالات بحثية وترجمات شعرية ونثرية، مثل ترجمة كتاب نهج البلاغة إلى البشتو، وترجمات لفكر إقبال.

- ألف أكثر من 20 كتاباً بالبشتو وحوالي 10 كتب بأردية.

2. مناطق الإقامة في أفغانستان وباكستان والدول الأجنبية

3. التراث الثقافي والديني واللغوي

اللباس التقليدي للشينواري

يتبع شينواري، مثل بقية القبائل البشتونية، الزي التقليدي المكوّن من القميص والازار، مع اختلافات طفيفة في العمامة أو الغترة.

• في مناطق نجرهار و لواړگي، يصنع شينواري منذ زمن بعيد قلانس عالية وطويلة من ساق القمح اليابسة، ثم تُبيّض وتُلتف عليها لفة عمامة طويلة وبارزة، تُرتدى في الأتراح والأفراح من قبل الشيوخ والوجهاء.

• عادة مشابهة توجد لدى قبيلة المومند البشتونية، إذ تربط عمائم على القلانس المرتفعة نفسها.

• حتى اليوم، ما زال السوق المحلي (مثل سوق «ماركو») يوفّر هذه القلانس للشينواري، ويستمر الشيوخ والوجهاء في ارتدائها خلال المناسبات الاجتماعية (١٠)

المأكولات التقليدية

تنتشر لدى شينواري الأطعمة التقليدية المشابهة لبقية البشتون، مع وجود أطباق مميزة لهم:

1. نبات كورو: نوع من الخضار ينمو في مناطق هسكي مينه، وخاصة في: نري أوبه، شاروازي، شبوله، غلني، و شعب «غوشت» يُستهلك في الربيع والخريف ويعد من محاصيلهم الأساسية (11).

2. طبق د پټې دانې: يُحضّر من كبد او كلية الكبش أو جِداء مذبوح حديثاً، يُغلف بدهن الحيوان نفسه، ويُطهى باستخدام الجمر والفحم الساخن.

• الدول الأجنبية: كندا، الولايات المتحدة، ألمانيا، بلجيكا، هولندا، فرنسا، بريطانيا، وغيرها

ويذكر كوز دير گزيتير أنَّ مؤسس شينواري دير مدفون في سرخروء بأفغانستان، وأنَّ أقدم قرية للشينواري في دير هي غورگه التابعة للاجيوك(8). وقد أشار سليمان شاهد إلى أنَّ شينواري تُعدُّ أصغر القبائل عدداً في دير، وقد شاركوا فعلياً في تحالف خانبي خبل وظلوا معه حتى آخر المراحل.

التراث الثقافي للشينواري

العقيدة الدينية

اعتنق شينواري الإسلام منذ دخول أنوار الإسلام إلى أفغانستان وبشتونخوا عن طريق مسلمي العرب، وما زالوا مستمسكين به حتى اليوم، وأكثرهم من أتباع المذهب الحنفي.

اللغة واللهجة

• اللغة: البشتو

• اللهجة: تختلف بين مناطق شينواري، فمثلاً لهجة شينواري ننگرهار ولواړگي فرعية عن اللهجات المجاورة.
• وفق «قاموس لهجات البشتو»، يستبدل شينواري الكسرة بالفتحة في بعض الكلمات، مثل: ورمېر بدلاً من ورمېر(9).

الممارسات الاجتماعية

• يتميز شينواري بعبادات غذائية وملابس تقليدية محددة.
• لديهم حضور شعري وأدبي، ومن أمثلة ذلك المحافل التي نظمها حمزه بابا، حيث كان يحرص على التوجيه الأخلاقي للشباب في الفعاليات الثقافية.

1. النسب والفخوذ

7. **کندوز**: مرکز کندوز، خان آباد، إمام صاحب، گورتپه، چاردره،
مدیریه دشت آرچی
8. **تخار**: مرکز تالقان، دشت قلا، آیین قلا
9. **بلخ**: المركز
10. **سمنغان**: مدیریه حضرت سلطان
11. **جوزجان**: مدیریات مردیان، خانقا، آقچه
12. **هلمند**: مرکز لشکرگاه، مدیریه گرمسیر، المناطق الثالثة
عشرة

13. هرات

لقد قمت بإعادة صياغة النص بأسلوب أكاديمي واضح، مع حذف الأجزاء غير الملائمة والسردية، والتركيز على المعلومات الجغرافية والثقافية المهمة:

توزيع شينواري في باكستان والدول الأخرى

يقيم شينواري في باكستان في مناطق متعددة، أبرزها:

- كوهات: قرية خنكل خېل
- هنگو، خيرآباد (نظام پور)، چارسده، بيساور
- لواړگي: دره خيبر
- باجور: سورکمر الينگار، شيخ بابا، لرچمرکند، ، خاگي، سوران دره
- لر دير (حاجي آباد): مرکز تیمرگره، چکدره، غوندو بادوان، قرير ژرندوډېری، بارون، منجايي (منطقة تالاش)
- ويتبع هؤلاء شينواري فروع غني خېل وشېل خېل من شينواري دير.

كما يقيم بعض شينواري في:

- کشمير

ويستفاد من المصادر أن هجرة شينواري تمت نحو عام 1672م، وفي العام نفسه أو الذي يليه فُتحت منطقة شيغل، ما يدل على وصولهم قبل نحو 350 عاماً عبر «ناو پاس».

مناطق إقامة شينواري حالياً

ولاية ننگرهار

- مركز الولاية: جلال آباد
- المديریات: دوربابا، نازيانو، أچین، سبین غر، غني خېل، مومنددره، هسکه مېنه، چپرهار، دره نور، حصارک غلجايي

ولاية کونړ

- مركز الولاية: أسد آباد
- المديریات: شيغل، وتپور
- القرى: گنجگل، باروگی، ټانگو (سرکانو)، کوتکي (مديرية نرنگ)، مديرية خاص کونړ، قرية نارۍ (مديرية نارۍ)

ولايات أخرى

1. لغمان

- 2. کابل: کارته نو، أحمد شاه بابا مېنه، گوسفنددره، خيرخانه، پل چرخي، لته بند، قرية تنگي غارو، قصبه، چاره آسیاب، قره باغ، ده سبز، سروبي (خشوبي، نصرت چينه، اسماعيل چينه، خويندي، توت جوړه)، قرية کوزگاز في وادي وزبين

3. لوگر

- 4. پروان: مركز الولاية، مديرية غوربند

5. کاپيسا: محمودراقي

- 6. بغلان: دوشي، مركزي بغلان، ډنډه غوري، خنجان،

پلخمری، نهرين

- من عثمان جاء: بارك وهديا؛ ومن بارك جاء عبد الله وبدلال؛ ومن عبد الله جاء: حاجي، بوسعيد، مندي زي، كوبي زي، يحيى زي، والوزي.
- من حاجي جاء: عبدالرحيم خېل وشېلي؛ ومن عبد الرحيم جاءت فروع: سڼو خېل، عدل خېل، وعلي شېرخېل.
- من مندي زي جاءت فخوذ: حمزه خېل، حسن خېل، وإلياس خېل (بر شينواري) (6).
- وتظهر نفس السلسلة النسبية في شينواري شيگل في كونړ، حيث توجد فروع: عبدالرحيم خېل، شېل خېل، هلالزي (إلياس خېل)، وسليمان خېل.

هجرة شينواري واستقرارهم

- يكتب دوست محمد شينواري أن شينواري شيگل هاجروا قبل نحو ثلاثمائة عام من منطقة «سره كمر» بقيادة الشيخ بابا (زكريا). وبعد إخضاعهم منطقة شيگل، قُسمت بينهم كالاتي:
- عبدالرحيم خېل (أدرم خېل): شنگرشا، كته سير، أمانكوت، كندرو، كربورې، سپينكي، زبر بټ ډاگ، ملاعالم، وغز تنگي.
 - شېل خېل: خاگي ډاگ، شينكوړك، ډاگي سير، موني، لاحسېن، ټالونه، وقوى تالاو.
 - سليمان خېل: اټو كلي، چاكرې، شينگر گل، نيم لچي، سمه لام، برنارېت، سورمل، بر گله يي، ومټينه.
 - هلالزي: هلال زو كلي، نيم لچي، شينگش، لرنارېت، لرگله يي، چونس، هوار، ومادېش. (7)

حجرة)، أش خېل (23 حجرة)، مختار خېل (21 حجرة)، غني خېل (35 حجرة).

ويعمل أكثر شينواري لواږگي في التجارة وطرق النقل التجارية بين كابل وبيشاور، ويجمعهم علاقات جيدة مع شينواري أفغانستان. ويحد لواږگي من الشمال منطقة شلمان، ومن الشرق ملاږوري، ومن الجنوب الشرقي قبيلة أفريدي، وتمتد من تورخم إلى حدود أفريدي خيبر مسافة ستة أميال طولاً وثلاثة إلى أربعة أميال عرضاً.

فروع علي شېر خېل في لواږگي

خوگا خېل، شيخ مل خېل، پيرو خېل، ميرداد خېل، أش خېل، مختار خېل، غني خېل، پتمي خېل، بسي خېل، طالب خېل، سيد خېل، أشرف خېل، طوطي خېل، شربي خېل، بابي خېل، شدان خېل، مادورخېل، مياخېل، عالم خاني.

ويقسم شينواري أيضاً في مناطق: الينگار، چمرکند، خاږي، شيخ بابا، وسور کمر من باجور.

تقديرات عدد شينواري

- ولاية ننگرهار: 15,527 نسمة
- ولاية كونړ: 5,000 نسمة
- شينواري لواږگي: 13,770 نسمة
- شينواري سور کمر: 13,000 نسمة (5)

نسب قبيلة شينواري

يقسم ميراجان سيال مومند نسل شينواري - أبناء كاسي بن خرشبون بن سربن - على النحو التالي:
• للشينواري ابنان: عثمان وسليمان.

4. رينداد خېل: يقيمون في تنگي مامند، باغ، اچين، گردې، ولهم أربعة فروع: پاخېل، اليگه خېل، پام خېل، خليفه خېل.
5. حيدر خېل: ينقسمو إلى فرعين: نيمې در، وممه خېل، ويقيمون في لنډې، مورگي چينه، داوڼې، اسدخېل، تريلي، ميدانک، سره کلا، هجوم.
6. سلېمان خېل: يقيمون في توتگي، وچکوټ، وقرې کوشټل.
7. بابر خېل: فرع صغير يقيم بعضهم في صندوق، بتن، چهل گزي. ثانياً: عبدالرحيم خېل ويضم عدة فخوذ:
- علي شېر خېل: يقيم قسم منهم في لواړگي وآخر في أفغانستان. وينقسمون إلى سبعة فخوذ: عيسى خېل، باخېل، ترخېل، پيرو خېل، أش خېل، خوگا خېل، وشودن خېل.
- عدل خېل: ينقسم داخلياً إلى فرعين: عثمان خېل وکرگو خېل.
- سنگو خېل: ينقسمون إلى ثلاثة فروع رئيسية تُعرف بـ «خلور پلارې» وغني خېل، ويقيمون من مندېي وحتى غني خېل في دره(وادي) نازيانو.

الملاحظات الخاصة بشينواري

نظراً لوجود قسم من شينواري حول وادي خيبر التاريخية، فإنهم يُعرفون باسم «الخيبرية»، وهو الاسم نفسه الذي يُطلق على أوركزي أفريدي. وتُعدّ منطقتا تورخم وشمشاد من مناطق سكن علي شېر خېل من شينواري. أما تقسيم علي شير خېل لواړگي فيتم وفق نظام «الحجرة»، ويبلغ عدد حجراتهم: خوگا خېل (172 حجرة)، شيخ مل خېل (68

ذكر سور كمر في كونر، والصحيح أنها تقع في مديرية دانگام حيث يقيم مشواني، بينما شينواري يقيمون في سور كمر التابعة لباچور.

مناطق شينواري في ولاية ننگرهار

يحدّ قبيلة شينواري من الشمال الغربي قبيلة خوگيانې، ومن الشمال نهر كابل وقبيلة مَهْمَند، ومن الشرق خط دوران (الحد الفاصل) حتى لوارگي.

ويقيم شينواري في عدة مناطق رئيسية من بينها: هسكه مېنه (ده بالا)، مومنددره، نازيان، اچين، دوربابا، وناحية چپرهار.

التقسيمات الداخلية للقبيلة

تنقسم قبيلة شينواري إلى فرعين رئيسيين:

1. سَه پاي (الأخ الأكبر)

2. عبدالرحيم خېل (الأخ الأصغر)

أولاً: سَه پای

وينقسم هذا الفرع إلى سبعة فخوذ (تپې):

1. حسن خېل: يقيمون في أوغز، گورگورې، پايي، شيخ ميدان، ياغي بند، شپوله، گيزاره، وبعضهم في وادي غوښت.

2. حمزه خېل: وينقسمون إلى فخذين:

• أحمد خېل: معظمهم في ده بالا، وجزء في تنگي، شرمبني، ولرو

احمد خېل.

• مغدود خېل: يقيمون في گاگره، گجنه، مريز، سنگوتې، راوگه.

3. إلياس خېل (لياسخېل): يقيمون غالباً في هسكه مېنه و گيزاره،

وبعضهم في تنگي التابعة لهسكه مېنه، ومجموعة منهم في نري اوبه.

كما تعيش بعض أسرهم حياة بدوية تحت اسم جعفریان.

يصف فيها تلك الحرب وذكر فيها قبائل البشتون ومن ضمنها شينواري (٢)، حيث يقول :

"بعض شينواري، وبعض المهمند، وبعض الأفريدي
حتى هزموا جيش الولاية كله.(٣)"

ويشير مؤلف كتاب «د پښتانه د تاريخ په رڼا کې» إلى أن خابني خېل هاجروا من منطقة غورې مرغه نحو غزني ثم كابل، ومن ثم إلى بيشاور، بينما عاد الكاسيون إلى جبال سليمان واستقروا هناك، إلا أن فرعاً منهم، وهم شينواري، هاجروا برفقة خابني خېل واستقروا في السفوح الجنوبية لجبال خيبر.

تقع مناطق سكنهم على الضفة اليمنى لنهر كابل بين بيشاور وجلال آباد، وأكثرهم يقيمون في جبال خيبر. ويعيش فرع سڼگو خېل في السفوح الجبلية لسبين غر إلى جانب قبيلة خوگياڼي، كما توجد مجموعات في باجور، وكونړ، ووادي شيگل. نهر هزار ناو يمر في منطقتهم.

وتعد قبيلة شينواري من أشهر القبائل القاطنة في منطقة خيبر، ومركز منطقتهم مدينة لندي کوتل. كما توجد أسر شينواريّة في كوهات، ومجموعات أخرى في کشمير(٣). ويعيش بعضهم في قرية خنغل خېل في منطقة كوهات، ونظام پور - خبر آباد، وهنگو، وچارسده.

ويشير كتاب «پشتني قبيلې» إلى أن شينواري قبيلة بشتونية مشهورة تنتمي إلى المجموعة الاجتماعية لسرېن، وتقيم في السفوح الشمالية لسبين غر، وفي جنوب شرق ننگرهار، ولهم وجود في لواړگي، إضافة إلى أسرهم في غابات كوهات، وسور كمر باباجور، وغوربند بولاية پروان، وكذلك في کشمير(٤). ويلاحظ أن الكاتب طالبي أخطأ عند

لاحقاً بالتفصيل. ويتميز شينواري اليوم في المجتمع الأفغاني بعبادات وتقاليد متنوعة ومتميزة، مما يحتم تخصيص دراسة مستقلة لهم.

اسئلة البحث:

1. من هم شينواري؟
2. في أي المناطق يقيمون؟
3. ما هو التراث الثقافي الذي تركوه لنا؟

أهداف البحث وأهميته:

يهدف البحث إلى دراسة البنية الإثنية لقبيلة شينواري، وتتبع مناطق سكنهم، وإبراز التراث الثقافي الذي يمتلكونه. وتكمن أهمية هذا الموضوع في ندره الدراسات التي تناولت قبيلة شينواري تحت عنوان مستقل، مما يمنح هذه الدراسة ضرورة علمية واضحة.

منهج البحث:

اعتمدت الدراسة المنهج الوصفي-التحليلي، مع الاعتماد على المصادر المكتوبة. وبما أن البحث يركز على النسب، والمواطن، والتراث الثقافي للشينواري، فقد تم تسليط الضوء على مناطق سكنهم وخصوصياتهم الثقافية التي تميزهم عن باقي القبائل. وبسبب محدودية حجم المقالة، اقتصر البحث على الخصائص البارزة وبعض الشخصيات الأدبية المعروفة دون الخوض في كل تفاصيل عاداتهم وأعرافهم وشعرائهم.

أصل شينواري (آشيني(1)، آشني):

يتفق معظم مؤرخي القبائل البشتونية على أن شينواري فرع من فروع بشتون سَـرَـيَن، وينحدرون من نسل كاسي بن خرشبون. وفي عام 1672م، عندما قاد أمير المغول أمين خان جيشاً كبيراً إلى معركة خيبر، وقُتل أربعون ألفاً من جنوده، نظم الشاعر الكبير خوشحال خان ختيك قصيدة

كتب المقال: الأستاذ المساعد محمد شفاء مشفق
تعريب: الأستاذ المساعد محمد طاهر شرر

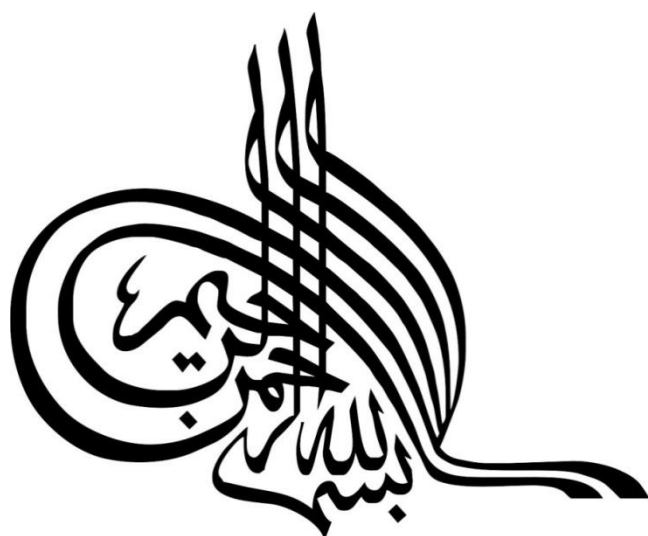
قبيلة شينواري: من النسب إلى التراث الثقافي

الملخص

يهدف هذا البحث إلى دراسة قبيلة شينواري من حيث الأصل والنسب والانتماء الإثني، كما يسعى إلى تحديد مناطق تواجدهم وموطنهم وانتشارهم الجغرافي في أفغانستان وكشمير والبشتونخوا، بالإضافة إلى انتشارهم في الشتات. ويتناول البحث التراث الثقافي الأصيل للقبيلة، بما في ذلك لهجتهم ومصطلحاتهم الخاصة، وملابسهم، ومأكولاتهم، وعاداتهم الاجتماعية. كما يقدم دراسة موجزة عن حياة عدد من شعرائهم وكتّابهم وإسهاماتهم الأدبية والثقافية. نأمل أن يقرأ القارئ هذا البحث بعين الاهتمام والتأمل..

المقدمة

تشهد التجمعات البشرية، على مر العصور، توسعاً عددياً ملحوظاً. وإذا افترضنا أن زيادة عدد البشر حقيقة ثابتة عبر الزمن، فإن هذا التزايد يؤدي إلى هجرة الجماعات نحو أماكن جديدة بحثاً عن حياة أكثر استقراراً، مما ينتج عنه تكوين قبائل وأفخاذ وبطون متعددة. وكان هذا الأمر ملموساً لدى البشتون، حيث تعرضت كل أسرة وبطن وقبيلة إلى موجات من التوسع العددي، مما أدى إلى تشعبهم وانقسامهم إلى عشرات القبائل التي يُقدّر عددها اليوم بالمئات. وتعد قبيلة شينواري من القبائل البشتونية البارزة، التابعة اجتماعياً لفرع سَربَن، ومنحدره من نسل كاسي بن خرشبون، وهو ما سنوضحه

د افغانستان اسلامي امارت
د علومو اکاډمي
د بشري علومو معاونیت
د پښتو څېړنو بین المللي مرکز

پښتو

درې میاشتني علمي — تحقيقي مجله
د یونېسکو په ژبو خپرېدونکې خپرونه
دویم پړاو ۶۳ — ۶۴ ګڼه، پرلپسې ۱۱۴ — ۱۱۵ ګڼه
(منی، ژمی) ۱۴۰۴ لمریز کال

د تاسیس کال: ۱۳۵۶ لمریز
کابل — افغانستان

د افغانستان اسلامي امارت
د علومو اکاډمي
د بشري علومو معاونیت
د پښتو څېړنو بین المللي مرکز

پښتو

درې میاشتنۍ علمي - تحقیقي مجله
د یونېسکو په ژبو څېړېدونکې خپرونه
دویم پړاو ۶۳-۶۴ ګڼه، پرلپسې ۱۱۴-۱۱۵ ګڼه
(منی، ژمی) ۱۴۰۴ لمریز کال

د تاسیس کال: ۱۳۵۶ لمریز
کابل - افغانستان